ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

А. ТУНЪ.

ИСТОРІЯ

РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями Л. Э. ШИШКО.

Выпускъ первый

афія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

1903 г.

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

А. ТУНЪ.

ИСТОРІЯ
РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями Л. Э. ШИШКО.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

1903 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Книга Туна до сихъ поръ не потеряла своего значенія, какъ единственный имѣющійся въ печати связный разсказъ о русскомъ революціонномъ движеніи, начатый отъ декабристовъ и доведенный до начала 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія,—т. е. охватившій собою наиболѣе отдаленные отъ насъ и потому наименѣе извѣстные періоды этого движенія.

Однимъ изъ крупныхъ достоинствъ предлагаемаго сочиненія является также чрезвычайно внимательное и добросовѣстное отношеніе автора къ фактической сторонѣ дѣла, благодаря чему ему часто удается, не смотря на недостаточное знакомство съ условіями русской жизни, довольно правильно понимать и оцѣнивать излагаемыя событія. Этому помогло впрочемъ автору его личное знакомство съ нѣкоторыми изъ русскихъ эмигрантовъ.

Но само собою разумѣется, что авторъ не могъ избѣжать ошибокъ и пропусковъ. Это обстоятельство заставило издателей снабдить предлагаемый переводъ примѣчаніями и дополненіями, которыя будутъ отнесены къ концу каждой главы, кромѣ нѣкоторыхъ мелкихъ поправокъ, внесенныхъ прямо въ текстъ.

Издатели считаютъ нужнымъ оговориться, что они вовсе не смотрятъ на предлагаемую книгу, какъ на сколько-нибудь исчерпывающую исторію русскаго революціоннаго движенія. Это не болѣе, какъ переводъ сочиненія Туна съ нѣкоторыми необходимыми поправками и дополненіями.

———

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

Глава первая.

ВЗГЛЯДЪ НА РЕВОЛЮЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ ДО 1863 ГОДА.

У революціоннаго движенія въ Россіи есть, если можно такъ выразиться, доисторическій и историческій періодъ. Первый простирается до 1855 г., второй до настоящаго времени. Доисторическій періодъ, въ свою очередь, распадается на 2 эпохи, которыя отдѣляются другъ отъ друга военнымъ возстаніемъ 14*) декабря 1825 г.

Тайныя политическія общества существовали въ Россіи еще въ прошломъ столѣтіи; они прикрывались обычно религіозными цѣлями и принимали таинственныя формы франмасонскихъ союзовъ. Въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II на нихъ смотрѣли косо, какъ на революціонныя общества; случалось, что масоновъ даже преслѣдовали. Особенно пострадалъ отъ этихъ преслѣдованій Новиковъ, за что русскіе революціонеры и чтутъ его какъ своего предшественника. **)

Вскорѣ за этимъ наступило либеральное царствованіе Александра I, воспитанника якобинца Лагарпа. Самъ царь высказалъ тогда что онъ хотѣлъ даровать конституцію, придавъ такимъ образомъ этой мысли какъ бы видъ законности. Въ то же са-

---

*) Замѣчу разъ навсегда, что всѣ числа помѣчены по русскому стилю.

**) Этотъ отдѣлъ я излагаю по Мемуарамъ русскаго декабриста Розена, стр. 3-34; и по мемуарамъ одного русскаго приведеннымъ въ соч. E. Lavigne, Introduction à l'histoire du Nihilisme russe Paris 1880.

мое время идеалистическая поэзія Пушкина будила совѣсть общества, поднимала его нравственный уровень и внушала надежду на новую будущность. Эта поэзія и запрещенныя рукописныя стихотворенія Рылѣева закончили въ Россіи популяризацію либеральныхъ идей 1789 г. Съ другой стороны, молодое русское дворянство побывало въ качествѣ офицеровъ и чиновниковъ на Западѣ, во время наполеонскихъ войнъ, и ближе познакомилось съ той культурой, которую до сихъ поръ знало только по наслышкѣ. Въ этой новой обстановкѣ у многихъ русскихъ офицеровъ выработалась новая точка зрѣнія для сужденія о своей родинѣ. Лучшіе элементы гвардіи жадно вбирали въ себя идеи гражданственности, свободы и контитуціонализма, и возвращались домой съ твердымъ намѣреніемъ, «ввести Францію въ Россію». Въ 1815 г. образовалось литературное общество «Арзамасъ», въ слѣдующемъ году первое политическое, а въ 1817 г. первое тайное общество, подъ вліяніемъ Пестеля. Сначала либералы надѣялись достигнуть своихъ цѣлей въ согласіи съ императоромъ; но когда наступилъ извѣстный реакціонный поворотъ въ его политикѣ и въ 1822 г. были закрыты всѣ масонскія ложи, то между офицерами образовалось нѣсколько тайныхъ обществъ; между ними самыми значительными были Сѣверный и Южный Союзы и Союзъ объединенныхъ славянъ. По своимъ цѣлямъ движеніе это было политическое: оно стремилось къ федеральной республикѣ или конституціонной монархіи. Царь и его семья должны были быть уничтожены. Средствомъ являлось военное возстаніе; формой организаціи былъ якобинскій заговоръ. Поводъ къ началу возстанія нашелся наконецъ 14 декаб. 1825, когда войска въ Петербургѣ должны были принести новую присягу императору Николаю вмѣсто его брата, отказавшагося отъ престола. Но въ рѣшительный моментъ заговорщики нигдѣ не могли найти избраннаго ими въ диктаторы князя Трубецкого; имъ не доставало систематическаго руководительства; первые картечные залпы разсѣяли 2000 мятежныхъ солдатъ. Но даже и въ случаѣ успѣха эта попытка либераловъ не могла бы дать прочныхъ результатовъ, потому что движеніе ограничивалось только частью привиллегированныхъ классовъ и арміи; кромѣ того политическія требованія повстанцевъ не находили еще отклика въ народѣ. Но во всякомъ случаѣ это возстаніе явилось мужественнымъ протестомъ противъ царскаго деспотизма со стороны горсти аристократическихъ гвардейскихъ офицеровъ, которые съ юношескимъ одушевленіемъ слѣдовали за своими даровитыми, но слишкомъ мало обращавшими вниманіе на реальное соотношеніе силъ, предводителями. Пестель, Рылѣевъ, С. Муравьевъ, М. Бестужевъ и Каховскій были повѣшены, 116 другихъ заговорщиковъ были осуждены или на каторгу или на поселеніе въ Сибирь.

Тяжелая рука Николая легла теперь на всѣ проявленія русской жизни. Въ началѣ Пушкинъ былъ единственнымъ человѣкомъ, котораго еще одушевляла надежда на лучшее будущее и который проявлялъ мужество свободнаго гражданина. Но и онъ былъ побѣжденъ царскою милостью и отвращеніемъ къ окружающей его обстановкѣ. Полное отчаяніе придавило всѣхъ, и это общее настроеніе отразилось въ поэзіи Лермонтова. Но достигнуть полнаго успокоенія возмущеннаго народнаго духа было всетаки невозможно; онъ искалъ и нашелъ свое выраженіе въ литературѣ и критикѣ. Развилась та сатирическая жилка, которая у русскихъ вообще сильнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ. Въ формѣ сатирическаго романа и бытовой комедіи появились произведенія Гоголя и Грибоѣдова, которые нападали на самыя основы оффиціальной цивилизаціи Россіи. Въ этихъ произведеніяхъ высмѣивалось все: и подкупность чиновничества, и продажность судей; въ нихъ бичевалась вся безчестная администрація. «Соціальная патологія» русскаго общества была написана. Въ столь же «прикровенной» формѣ прессѣ удавалось проводить либеральныя идеи, и въ это именно время въ русской печати въ совершенствѣ выработалось печальное искуство скрывать между строкъ дѣйствительныя мысли. Съ другой стороны, въ то же самое время черезъ русскую границу перекинулось вліяніе Гегеля, и вотъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ гегельянецъ Станкевичъ съ удивительной проницательностью сумѣлъ собрать вокругъ себя, въ своемъ гостепріимномъ домѣ, въ Москвѣ, тѣхъ молодыхъ людей, которые впослѣдствіи явились вождями русскаго общества на всѣхъ поприщахъ общественной жизни. Тамъ встрѣчались позднѣйшіе славянофилы, Аксаковъ и Хомяковъ, съ позднѣйшими предводителями соціалистической эмиграціи, Бакунинымъ, Герценомъ и Огаревымъ, которые тогда были совершенно увлечены ученіями С. Симона и Фурье. Въ 1840 г. этотъ кружокъ распался; но Станкевичу же принадлежала также заслуга привлеченія еще двухъ людей, пріобрѣвшихъ крупное значеніе въ дѣлѣ распространенія освободительныхъ идей въ Россіи. Это были: Бѣлинскій, ставшій безусловнымъ главою литературной критики и основавшій русскую реалистическую школу въ литературѣ, и историкъ Грановскій, вліявшій на юношество съ кафедры и вліявшій въ широкомъ либеральномъ направленіи. Но вся эта оппозиція выросшая въ 40-хъ годахъ, была чисто пассивной; существовалъ какъ-бы молчаливый заговоръ; открыто же никто не рѣшался протестовать.

При полной невозможности дѣйствовать, недовольнымъ оставалось только одно — резонировать. Во многихъ городахъ Россіи: въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Ростовѣ на Дону, Тамбовѣ, Костромѣ, Ревелѣ, даже въ Сибири, въ кружкахъ еди-

номышленниковъ дебатировались тогда не только литературные, но также политическіе и соціальные вопросы. Знакомство съ новѣйшей политической и соціалистической литературой было очень распространено тогда. С. Симонъ и Фурье, Луи Бланъ, Прудонъ и Робертъ Оуэнъ, самыя разнообразныя книги и газеты выписывались, прочитывались и обсуждались; но теперь тонъ въ этихъ кружкахъ давали уже не гвардейскіе офицеры и чиновники высшихъ вѣдомствъ, а воспитатели и учителя. Подъ вліяніемъ современной литературы, на ряду съ либерализмомъ выступилъ и соціализмъ; но онъ былъ только отдаленной цѣлью отдѣльныхъ лицъ; ближайшею же цѣлью было саморазвитіе близко знакомыхъ между собой людей; никакихъ организацій не существовало; дѣло не шло дальше идей и стремленій. Но и это казалось тогда очень опаснымъ, и вотъ въ мартѣ 1848 г. былъ сдѣланъ доносъ на чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ Петрашевскаго, у котораго каждый четвергъ происходили подобныя собранія. Цѣлый годъ за этимъ кружкомъ и за нѣсколькими подобными слѣдили шпіоны III-го отдѣленія; наконецъ 23 апрѣля 1849 г. 33 молодыхъ человѣка были схвачены и 23 изъ нихъ, большею частью, офицеры и чиновники, приговорены къ смерти, но помилованы съ замѣной смертной казни каторжными работами и солдатчиной. Число лицъ, симпатизировавшихъ ихъ идеямъ и намѣреніямъ, говорятъ достигало въ Петербургѣ до 100 чел.; Къ счастію, они вели свои разговоры безъ участія шпіоновъ. Послѣ такого драконовскаго наказанія за одни планы и намѣренія, конецъ Николаевскаго царствованія прошелъ въ полномъ всеобщемъ молчаніи.

Но уже въ послѣдніе годы царствованія Николая у всѣхъ было такое ощущеніе, что такъ не можетъ дальше продолжаться. Съ восшествіемъ на престолъ Александра II, идеи политической свободы и соціалистическаго равенства начали уже открыто проявляться въ русскомъ государствѣ, но встрѣтивъ естественное сопротивленіе со стороны правительства, вскорѣ снова перешли на революціонную дорогу.

Предстоящее намъ изложеніе этой общественной эволюціи, цѣлесообразнѣе всего раздѣлить на 4 періода. Первый періодъ характеризующійся вліяніемъ Герцена и Чернышевскаго, какъ писателей, начинается 1855 г. и охватываетъ время подготовленія къ уничтоженію крѣпостного права и послѣдовавшее за этимъ разочарованіе, заканчиваясь польскимъ возстаніемъ 1863 г. Затѣмъ слѣдуетъ второй періодъ честной попытки со стороны демократовъ и либераловъ итти рука объ руку съ правительствомъ, которое предприняло тогда кое-какія реформы. Этотъ періодъ сопровождался затишьемъ на поприщѣ революціи, только слегка нарушавшимся покушеніемъ Каракозова и заговоромъ Нечаева. Въ началѣ 1870-хъ годовъ, приблизитель-

но съ 1872 года начинается третій періодъ пропаганды со стороны многочисленныхъ мелкихъ кружковъ съ чисто соціалистическими цѣлями, придерживавшихся сначала мирныхъ средствъ, а съ 1875 г. перешедшихъ къ болѣе рѣзкимъ пріемамъ революціонной агитаціи. Съ 1878 г. въ этомъ движеніи совершается наконецъ полный переворотъ во всѣхъ отношеніяхъ: соціализмъ снова заслоняется политикой, децентрализованные мелкіе кружки вытѣсняются строго дисциплинированнымъ тайнымъ обществомъ съ исполнительнымъ комитетомъ во главѣ; на мѣсто мирныхъ средствъ выступаетъ терроръ, систематическое цареубійство.

Для подробнаго и самостоятельнаго изображенія двухъ первыхъ эпохъ такъ называемаго нигилизма у меня не хватаетъ предварительнаго изученія, и поэтому я сдѣлалъ ихъ набросокъ по большей части по второстепеннымъ источникамъ. Напротивъ того третью и четвертую эпохи, эпохи соціализма и терроризма (1872-78-82) я хочу изложить возможно подробнѣе на основаніи всѣхъ доступныхъ мнѣ источниковъ.

Еще во время Крымской кампаніи, Александръ Герценъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Огаревымъ основалъ первую свободную русскую типографію въ Лондонѣ. Отсюда онъ привѣтствовалъ въ своемъ, ставшемъ знаменитымъ письмѣ, восшествіе на престолъ Александра II. Онъ требовалъ вознагражденія за все то зло, которое причинилъ Николай русскому народу, требовалъ полнаго разрыва съ проклятой системой всеобщаго рабства и угнетенія мысли, примиренія съ либеральными идеалами своей эпохи и прежде всего отмѣны крѣпостнаго права, какъ предварительнаго условія какого бы то ни было соглашенія между народомъ и правителемъ. При помощи газеты «Колоколъ» и журнала «Полярная звѣзда» онъ пріобрѣлъ такое вліяніе на общественное мнѣніе Россіи, болѣе котораго едва ли когда имѣлъ другой писатель. Онъ нашелъ вѣрное выраженіе для мысли, которая тяжелымъ камнемъ лежала на душѣ цѣлаго народа и которую никто не рѣшался высказать такъ свободно, какъ этотъ смѣлый эмигрантъ. Деспотизмъ Николая не позволилъ создаться никакому общественному мнѣнію, никакой партіи, такъ что въ Россіи не было ничего, что могло бы дать отпоръ смѣлому слову Герцена или могло бы соперничать съ его газетой; лучшей рекомендаціей для послѣдней было ея запрещеніе правительствомъ. Все слѣпо слѣдовало за Герценомъ; важнѣйшія государственныя тайны открыто обсуждались въ его газетѣ, а имена агентовъ, посланныхъ въ Лондонъ для наблюденія за нимъ, бывали опубликованы раньше, чѣмъ они высаживались на англійскій берегъ*). Дѣятельность Герцена была главнымъ образомъ обличающая

*) Здѣсь кстати напомнить, что Ростовцевъ, на засѣданіи

и критикующая; тогда это было заслугой, и «русскій Вольтеръ» много способствовалъ моральному осужденію господствующей системы. По своимъ положительнымъ цѣлямъ онъ былъ соціалистъ старой школы; старѣющей Европѣ и своей собственной странѣ онъ рекомендовалъ великорусскую общину, которую открылъ нѣмецъ Гакстгаузенъ; подобно Руссо, онъ считалъ занятіе крестьянина единственно здоровымъ; крестьянина надо было освободить и поднять до положенія господствующаго класса; все же остальное слѣдовало предоставить въ будущемъ счастливому народному инстинкту. Его политическій идеалъ былъ идеалъ декабристовъ: федеральная славянская республика, при чемъ Польша должна была получить независимость. Сначала Герценъ велъ «Колоколъ» въ умѣренномъ духѣ; онъ возлагалъ большія надежды на добрую волю молодого монарха и защищалъ освобожденіе крестьянъ и достаточное надѣленіе ихъ землей. Только разочарованіе, вызванное манифестомъ объ освобожденіи, и личное вліяніе его друга Бакунина, бѣжавшаго изъ Сибири и явившагося въ Лондонъ въ январѣ 1862 г., сдѣлали его болѣе радикальнымъ.

Между тѣмъ въ самой Россіи печать, теперь нѣсколько болѣе свободная, начала пользоваться громаднымъ матеріаломъ и обрабатывать его для своихъ читателей. Съ одной стороны такъ наз. обличительная литература направила уничтожающую критику на современныя условія и на испорченность привилегированныхъ классовъ. Позднѣе, Щедринъ и другіе писатели довели этотъ родъ литературы до истинной виртуозности, а Рѣшетниковъ, Глѣбъ Успенскій и поэтъ Некрасовъ въ трогательныхъ словахъ описывали и воспѣвали несчастное положеніе народа. Создалось то натуралистическое и пессимистическое направленіе въ литературѣ, которое во многихъ случаяхъ отказывалось отъ всякихъ требованій красоты. Съ другой стороны пресса стремилась познакомить русскую публику съ западно-европейскими идеалами и научными выводами, запрещенными до того времени въ Россіи, съ атеизмомъ и современными естественными науками. Прежде всего, интересовались соціализмомъ, затѣмъ всѣмъ, что было либерально. Вождемъ этого литературнаго движенія явился «Современникъ», главные сотрудники котораго Чернышевскій и Добролюбовъ излагали — конечно въ соотвѣтствующей цензурнымъ условіямъ формѣ — демократическо-соціалистическія идеи того времени. Эти два человѣка оказали рѣшающее вліяніе на революціонное развитіе русской молодежи. Добролюбовъ (умершій

Редакціонной Комиссіи, 23 марта 1859 г. заявилъ, что онъ получилъ разрѣшеніе получать изъ III-го отдѣленія по одному экземпляру ***Колокола*** и герценовскаго сборника ***Голоса изъ Россіи***, какъ пособіе для занятія Комиссіи. Л. Ш.

уже въ 1861 г. на 24 году жизни отъ чахотки) отличался, какъ критикъ, сильной логикой и повергъ въ прахъ прежнихъ идоловъ русской интеллигенціи. Чернышевскій (родился въ 1829 г.) энциклопедически образованный писатель, въ многочисленныхъ статьяхъ сообщалъ малознающей русской публикѣ выводы европейской науки въ самой популярной и потому очень растянутой формѣ. Онъ былъ демократъ и соціалистъ въ духѣ школы С. Симона и Фурье. Большое практическое значеніе имѣлъ его романъ «Что дѣлать?», написанный въ тюрьмѣ. Это изображеніе русской молодежи, — въ эстетическомъ отношеніи нѣчто чудовищное — является чѣмъ то, вродѣ возраженія на герценовское «Кто виноватъ» и тургеневскихъ «Отцовъ и дѣтей»; оно должно было изобразить ходъ развитія и положительную программу молодого поколѣнія. Не слѣдуетъ забывать, наконецъ, того громаднаго личнаго вліянія, какое эти люди имѣли на своихъ сверстниковъ, хотя Чернышевскій былъ гораздо больше кабинетнымъ ученымъ, чѣмъ практическимъ революціонеромъ.

Всѣ «либералы», —какъ настроенные болѣе или мнѣе соціалистически, такъ и просто демократы, вначалѣ питали полное довѣріе къ доброй волѣ молодого монарха, который самъ взялъ на себя иниціативу въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и такъ энергично выступилъ напр. въ Москвѣ противъ отрицательно относившагося къ реформамъ дворянства. Всѣ либералы приняли участіе въ критикѣ существующихъ условій и старались по своему способствовать созданію новыхъ порядковъ. При освобожденіи соціалисты защищали исключительно интересы крестьянъ и, въ существенномъ, были воодушевлены слѣдующими тремя мыслями: личная свобода, надѣленіе крестьянъ всею находившеюся до сихъ поръ въ ихъ пользованіи землею за возможно низкое вознагражденіе, а гдѣ возможно-безплатно, при обязательности освобожденія, наконецъ сохраненіе общиннаго землевладѣнія, въ которомъ они видѣли зародышъ будущаго соціальнаго порядка. Другихъ соціалистическихъ теорій нельзя было по справедливости и требовать въ то время, когда соціализмъ не вступилъ еще въ современную научную фазу. Чернышевскій самъ лично принималъ самое живое участіе въ предварительныхъ работахъ по выработкѣ закона объ освобожденіи, много вращался среди либеральныхъ и вліятельныхъ членовъ комиссій, которыя вырабатывали этотъ законъ; онъ же поставилъ на обсужденіе вопросъ объ общинномъ змлевладѣніи и выпустилъ цѣлый рядъ статей о величинѣ земельнаго надѣла и выкупныхъ платежей.

Либеральное дворянство, наряду съ прессой, пыталось оказать вліяніе на ходъ законодательства. Однако, освобожденіе крестьянъ велось вполнѣ бюрократически и даже, когда въ 1859 г. представители дворянства были вызваны въ Петербургъ,

то отъ нихъ потребовали только отвѣтовъ на поставленные вопросы и воспротивились даже ихъ стараніямъ устроить общія собранія. Возмущенные этимъ, они рѣшили обсуждать вопросъ объ освобожденіи попутно на предстоящихъ зимой дворянскихъ собраніяхъ; но и это было запрещено; когда же, несмотря на это, въ Тверскомъ собраніи этотъ вопросъ все-таки обсуждался, то предводитель дворянства, Унковскій, былъ высланъ административно въ Вятку (возвращенъ черезъ 8 мѣсяцевъ). Эта мѣра увеличила недовольство; пріобрѣло вліяніе мнѣніе, что послѣ уничтоженія могущества дворянства уже никакая сила не сможетъ быть противовѣсомъ царскому деспотизму (противовѣса этого, впрочемъ, не было при Николаѣ); слово «конституція» было громко произнесено, и въ нѣкоторыхъ дворянскихъ собраніяхъ дѣло дошло до маленькихъ демонстрацій, причемъ, напр., Владимирское собраніе въ адресѣ царю констатировало, что исполненіе закона зависитъ въ Россіи большею частью отъ личнаго произвола, который слѣдовало бы регулировать закономъ. Такъ какъ подобные адреса имѣлись въ виду и въ другихъ губерніяхъ, раздражать же дворянство еще сильнѣе правительство не рѣшалось, то царь ограничился тѣмъ, что приказалъ сдѣлать замѣчаніе предводителю дворянства.

Наконецъ, и молодежь въ городахъ сдѣлалась безусловнымъ приверженцемъ радикальныхъ ученій и прежде всего поставила своею цѣлью образовывать народъ, заниматься съ нимъ по элементарнымъ предметамъ, естественными науками, а въ послѣдней инстанціи радикализмомъ, которому они сами только что обучились. По образцу Петербурга, во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ основывались добровольныя воскресныя школы, въ которыхъ съ одушевленіемъ преподавали молодые учителя, студенты, болѣе взрослые гимназисты. Учрежденіе воскресныхъ школъ сдѣлалось тогда маніей молодыхъ людей. Однако этотъ первый соціально-политическій энтузіазмъ у однихъ скоро выдохся, а другимъ губернаторы затрудняли работу, предписывая мастерамъ посылать своихъ учениковъ въ воскресныя школы аккуратно и «хорошо одѣтыми»; такъ что черезъ три-четыре года эти школы покончили свое существованіе *). Онѣ не остались совершенно безрезультатными; такъ, напр., въ Петербургѣ было констатировано повыше-

*) Воскресныя школы покончили свое существованіе не въ силу охлажденія первоначальнаго энтузіазма молодежи, какъ выходитъ это здѣсь у автора, а насильственнымъ путемъ: онѣ были закрыты правительственнымъ распоряженіемъ, въ 1862 г., послѣ петербургскихъ пожаровъ, одновременно съ другими реакціонными мѣрами, — о чемъ, впрочемъ, упоминаетъ далѣе самъ авторъ. Л. Ш.

ніе образовательнаго уровня среди гвардейскихъ полковъ. Именно въ этомъ городѣ все движеніе имѣло безспорное значеніе, такъ какъ нѣсколько радикальныхъ писателей стали во главѣ его и думали пропагандировать свои идеи въ воскресныхъ школахъ.

Такова была дѣятельность «либеральной» партіи, поскольку я могу указать ее здѣсь въ бѣглыхъ чертахъ; по идеямъ она была революціонна, и выраженія ея, какъ въ рѣчахъ, такъ и въ литературѣ, носили часто крайній характеръ. По средства были во всякомъ случаѣ мирныя, потому что многіе еще надѣялись тогда на выполненіе своихъ либеральныхъ желаній со стороны царя. Но въ кругахъ болѣе посвященныхъ лицъ уже начало сказываться сомнѣніе въ доброй волѣ и въ способности царя провести крупныя реформы въ желательномъ смыслѣ. И эти сомнѣнія подтвердились, когда въ 1860 г., послѣ смерти либерала Ростовцева, предсѣдателемъ редакціонной коммиссіи былъ назначенъ графъ Панинъ, извѣстный за реакціонера и защитника интересовъ помѣщиковъ. Изъ автобіографіи Чернышевскаго*) ясно видно, какъ онъ постепенно терялъ надежду на мирное разрѣшеніе назрѣвшихъ вопросовъ. Открытое письмо отъ 1-го марта 1860 г. въ «Колоколѣ», въ которомъ Герцена упрекаютъ за слишкомъ далеко идущій оптимизмъ, принадлежитъ кому либо изъ людей, близкихъ Чернышевскому если не ему самому (что, впрочемъ, не установлено). Скоро, писалъ авторъ письма, Александръ II покажетъ николаевскіе зубы; въ политикѣ надежда—та золотая цѣпь, которая легко можетъ превратиться въ оковы. Въ Россіи можетъ помочь только топоръ. «Колоколъ» долженъ возвѣщать не обѣдню, а бурю.» Отъ такой дѣятельности Герценъ отказывался. Государемъ, говорилъ онъ, дарована уже нѣкоторая свобода; назрѣвающимъ вопросамъ надо дать время выясниться. Пока есть еще надежда на мирное разрѣшеніе, не слѣдуетъ браться за топоръ; съ юношескихъ дней онъ питаетъ ужасъ къ кровавой революціи. Въ этихъ письмахъ ясно сказалась разница между Герценомъ и уже стремившейся «къ дѣйствіямъ» молодежи, и съ этихъ поръ начинаетъ убывать его вліяніе на послѣднюю, тѣмъ болѣе, что его литературная дѣятельность не подкрѣплялась его личнымъ воздѣйствіемъ**).

---

*) «Прологъ къ прологу», напечат. въ 1877.

**) Къ этому періоду относится статья Герцена въ «Колоколѣ» (1859 г.): Very dangerous! (Очень опасно), гдѣ въ очень рѣзкой формѣ было сдѣлано нападеніе на Чернышевскаго и Добролюбова за ихъ стремленіе высмѣивать и вышучивать либераловъ. Это стремленіе приписывалось какой-то безпредметной озлобленности. Чернышевскій ѣздилъ тогда въ Лондонъ для личнаго объясненія съ Герценомъ; но на этотъ разъ они

19 февраля 1861 г. принесло, наконецъ, рѣшеніе. Но оно было не то, какого требовали либералы и соціалисты. Крестьяне далеко не получили всей той земли, которой они пользовались до тѣхъ поръ; наоборотъ, она во многихъ мѣстахъ была урѣзана въ пользу помѣщиковъ. Освобожденные крестьяне не получили земли безвозмездно; выкупные и оброчные платежи были очень высоки, а во многихъ мѣстахъ, именно въ сѣверной и средней Россіи, они были такъ высоки, что далеко превышали доходность земли. Правительство авансировало крестьянамъ выкупной капиталъ и брало съ нихъ за это 6%; въ эти 6% входили проценты на выкупной капиталъ и процентъ погашенія, разсчитанный на 49 лѣтъ. Слѣдствіемъ этого было, что крестьяне, связанные платежами, были лишены свободы передвиженія; иначе они бросили бы свои обремененные платежами участки и выселились бы въ степи. Крестьяне остались, такимъ образомъ, какъ и раньше прикрѣпленными къ землѣ; затѣмъ, съ теченіемъ времени, въ большей или меньшей степени, обнаружились всѣ тѣ хозяйственные недостатки, которые предвидѣли и отъ которыхъ предостерегали радикальные писатели. Крестьяне также совершенно иначе представляли себѣ освобожденіе и желали совершенно другого; они считали ту землю, которой пользовались до сихъ поръ, собственностью общинъ и понимали освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, какъ освобожденіе отъ всякихъ податей и обязательныхъ услугъ. Вмѣсто этого имъ уменьшили ихъ общинную землю и наложили на нихъ болѣе тяжелыя повинности. Поэтому было легко ложными слухами внушить крестьянамъ вѣру, что царь даровалъ имъ землю безплатно, а помѣщики воспрепятствовали исполненію законныхъ предписаній. Такимъ образомъ въ селѣ Безднѣ, въ 80-ти верстахъ отъ Казани, крестьянинъ Антонъ Петровъ, раскольничій начетчикъ, 24-хъ лѣтъ, успѣлъ убѣдить окрестныхъ крестьянъ въ подложности объявленной имъ воли и собралъ около себя десятитысячную толпу, наотрѣзъ отказавшуюся выдать его начальству. Тогда была призвана военная команда изъ 1200 человѣкъ съ двумя пушками. Крестьяне были не организованы и безоружны, и только такой жестокій генералъ, какъ Апраксинъ, могъ приказать дать въ нихъ нѣсколько залповъ, причемъ было убито 55 и ранено 71 человѣкъ. Подобныя возмущенія были и въ другихъ губерніяхъ. Такъ, были волненія въ Пензенской губ., причемъ въ деревнѣ Черногаѣ

не поняли другъ друга. Извѣстно, что позднѣе, когда начавшаяся реакція доказала несостоятельность либеральной программы, Герценъ оцѣнилъ рѣзкое отношеніе къ ней «Современника» и приглашалъ Чернышевскаго перенести изданіе его въ Лондонъ, предлагая ему для этого свои деньги. Л. Ш.

было убито, 10 апрѣля, три человѣка и ранено 18; а въ деревнѣ Кандѣевкѣ, 18-го апрѣля, убито восемь человѣкъ и ранено 27. Въ Воронежской губ. въ имѣніи Станкевичей было убито 40 человѣкъ крестьянъ.*)

Манифестъ 19 февраля 1861 г. создалъ глубокую пропасть между радикальными соціалистами и правительствомъ. Этотъ же годъ присоединилъ къ рѣшительной оппозиціи и большую часть студенчества. Министръ народнаго просвѣщенія Путятинъ выработалъ и опубликовалъ лѣтомъ законъ, который отнималъ у студентовъ всѣ фактически данныя имъ вольности (напр. право сходокъ, учрежденія кассъ взаимопомощи, библіотекъ и т. п.) и повышалъ плату за право ученія до 50 рублей, чтобы затруднить доступъ въ университеты. Едва только молодежь собралась осенью, какъ разразилась буря возмущенія; прежде всего въ Петербургѣ, а затѣмъ и въ другихъ университетахъ дѣло дошло до безпорядковъ, которые, вслѣдствіе безтактности и жестокости властей и возбужденія студентовъ, кончились многочисленными арестами, строгими наказаніями, даже кровавыми столкновеніями. Такимъ образомъ М. Михайлову было легко возбудить «молодое поколѣніе» пламеннымъ воззваніемъ къ нему въ своей прокламаціи, вызвать сочувствіе къ своей радикально-политической и соціалистической программѣ и завоевать себѣ соумышленниковъ. Это свое дѣяніе ему пришлось искупить шестилѣтними каторжными работами въ Сибири, гдѣ онъ и умеръ въ 1865 г.

Либералы между тѣмъ не оставались праздными. Тайное общество, состоявшее изъ офицеровъ, настроенныхъ конституціонно, хотя и не соціалистически, устроило въ зданіи Генеральнаго Штаба тайную типографію и стало издавать газету «Великороссъ» (3 №№ съ августа по ноябрь 1861 г.). Въ послѣднемъ № былъ помѣщенъ адресъ, обращенный къ царю со слѣдующими требованіями: надѣленіе крестьянъ тою землею которою они владѣли до того времени, безъ выкупныхъ платежей, устраненіе злоупотребленій въ управленіи финансами, юстиціей и полиціей, созывъ учредительнаго собранія и освобожденіе Польши отъ русскаго владычества.*) Движеніе сдѣлалось еще болѣе оживленнымъ, когда въ теченіе зимы 1861/2 г. дворянскія собранія Москвы, Смоленска и Твери также

---

*) Въ тѣхъ случаяхъ, когда у Туна встрѣчаются мелкія фактическія неточности, какъ напримѣръ въ передачѣ бездницскаго дѣла, мы просто будемъ дѣлатъ надлежащія поправки и дополненія въ текстѣ, не сопровождая ихъ никакими примѣчаніями. Л. Ш.

*) Тунъ ошибается, относя тайное общество «Великорусса» къ либеральному движенію (См. объ этомъ подробнѣе въ примѣчаніяхъ въ концѣ главы. Л. Ш.

высказались за сословную конституцію и ходатайствовали о ней передъ царемъ въ адресахъ. Въ собственныхъ интересахъ дворянства было добиться конституціи, чтобы ограничить абсолютную власть правительства, которая съ уничтоженіемъ крѣпостного права сдѣлалась безграничною. Вѣдь далъ-же царь въ это же самое время сословное представительство финляндцамъ.

Такимъ образомъ, въ началѣ 1862 г. между соціалистами, студентами и конституціоналистами господствовало сильное возбужденіе, которое раздувалось какъ эмигрантской *), такъ и туземной прессой, и мало по малу сообщилось и другимъ слоямъ населенія. И вотъ въ маѣ мѣсяцѣ изъ глубины движенія поднялась волна, которая рисуетъ намъ образъ мыслей нѣкоторыхъ радикаловъ. Въ кровожадной прокламаціи «Молодая Россія», «центральный революціонный комитетъ» объявляетъ, что герценовскій «Колоколъ» не можетъ быть признанъ выраженіемъ мнѣній партіи, такъ какъ онъ возлагаетъ слишкомъ много надеждъ на царя. Романовы — а въ случаѣ необходимости и вся царская партія — своей кровью должны заплатить за несчастіе народа*). Это воззваніе явилось въ самое неудобное время, потому что въ маѣ 1862 г. въ Петербургѣ происходили большіе пожары, причемъ погибли цѣлыя базарныя площади и много казенныхъ зданій. Кто были дѣйствительные виновники — не выяснено до сихъ поръ*). Эти событія дали правительству поводъ принять мѣры противъ радикаловъ. Оно запретило шахматные клубы и читальни, въ которыхъ они собирались, закрыло воскресныя школы, пріостановило на 8 мѣсяцевъ изданіе «Современника», запретило совсѣмъ «День» Аксакова, усилило надзоръ за типографіями, а главное — арестовало въ началѣ іюля Чернышевскаго и цѣлый рядъ другихъ радикаловъ. (Серно-Соловьевичъ, Писаревъ, Баллодъ, Вѣтошниковъ, Вороновъ и др.)

Это выступленіе правительства сдѣлалось исходнымъ пунктомъ перемѣны во взглядахъ общества. Только теперь нашелся журналистъ, профессоръ Михаилъ Катковъ, который испросилъ и получилъ у правительства разрѣшеніе направить въ своей московской газетѣ первые нападки на Герцена и Коло-

---

*) Кромѣ Герцена, въ 1862 г Блюммеръ въ Берлинѣ и князь Долгорукій въ Парижѣ издавали другія газеты: ***Будущность***, ***Свободное Слово***, ***Правдивый*** и др.

*) Перепечатано въ «Свободномъ словѣ» Блюммера, 1862 года, стр. 313.

*) Тунъ выражается здѣсь недостаточно опредѣленно: слѣдственная коммиссія ***выяснила***, что въ ея рукахъ не было ни малѣйшихъ данныхъ для обвиненія въ поджогахъ студентовъ и революціонеровъ. Л. Ш.

коль. Правда, онъ признавалъ его заслуги въ дѣлѣ возбужденія общественнаго мнѣнія, но объявилъ утопіей его социалистическія идеи. Съ другой стороны репрессаліи правительства имѣли противоположныя слѣдствія.

Тайныя общества, которыя до того времени существовали безъ названія въ Петербургѣ — одно даже съ 1857 г. — вошли въ связь между собой и приняли весною 1863 г. — по заглавію одной изданной ими брошюры — «Что нужно народу? — Земля и воля!» — эти послѣднія слова, какъ названіе своего союза. Общество это находилось въ Петербургѣ и имѣло въ другихъ городахъ лишь отдѣльныхъ членовъ. Сколько ихъ было — держалось въ тайнѣ; органомъ его считалась «Свобода» (2 номера), на ряду съ которой появлялись отдѣльные летучіе листки, не получившіе однако большого распространенія. Въ Казани составилась мѣстная организація между студентами и офицерами, которая впослѣдствіи была открыта причемъ трое изъ ея членовъ за распространеніе воззваній и ложныхъ манифестовъ были разстрѣляны и повѣшены, четверо осуждены на 25-лѣтнія каторжныя работы и нѣсколько присуждены къ болѣе мелкимъ наказаніямъ*).

Но въ 1863 г. случилось событіе, которое разбудило патріотизмъ русскихъ, и благодаря этому, какъ и въ Германіи въ 1870/71 г., надолго заглушило социализмъ. Этимъ событіемъ было польское возстаніе, за которое выступили русскіе революціонеры. Герценъ, побуждаемый друзьями и адресами изъ Польши, высказался въ «Колоколѣ» за поляковъ, а Бакунинъ, который еще въ 1847 г. произнесъ возбудившую вниманіе рѣчь въ пользу возстановленія этого государства, собралъ отрядъ добровольцевъ, чтобы изъ Швеціи напасть на Литву. Когда раздался первый выстрѣлъ въ Варшавѣ, петербургскіе студенты устроили полякамъ сочувственную демонстрацію: они присутствовали при заупокойной обѣднѣ въ память павшихъ и пѣли польскіе гимны. «Земля и воля» вошла въ сношеніе съ тайнымъ обществомъ, которое существовало среди войскъ, расположенныхъ въ Польшѣ, и считало въ числѣ своихъ чле-

*) По словамъ одного изъ членовъ этой организаціи, С. Я. Жеманова, осужденнаго на каторгу и бѣжавшаго изъ тюрьмы заграницу, организація ихъ возникла подъ непосредственнымъ вліяніемъ бездинскаго дѣла, показавшаго, что въ крестьянствѣ существуетъ сильное недовольство и что оно способно къ массовому движенію. У организаціи были связи съ группами, существовавшими въ другихъ поволжскихъ городахъ. Планъ былъ такой: овладѣть оружіемъ, сплавлявшимся каждою весною изъ Ижевскаго оружейнаго завода по Камѣ въ Казань, и поднять возстаніе крестьянъ. Заговоръ былъ открытъ вслѣдствіе случайной неосторожности. Л. Ш.

новъ многихъ молодыхъ офицеровъ, между прочимъ А. Потебню. Они не хотѣли идти противъ Польши, потому что считали подавленіе Польши только вступленіемъ къ порабощенію собственнаго отечества и разсчитывали послѣ начала возстанія направить свои силы противъ русскаго правительства. При переговорахъ между польскимъ и русскимъ комитетами, послѣдній старался обезопасить Украину и Литву отъ польскаго гнета и предупреждалъ, что мало надеждъ на подобное же параллельное движеніе въ Россіи; такъ что слишкомъ рано начавшееся движеніе рисковало потерпѣть неудачу. Предостереженіе было справедливо; возстаніе было быстро подавлено; Потебня и его товарищи нашли смерть въ рядахъ повстанцевъ. Вначалѣ къ борьбѣ относились нерѣшительно не только соціалисты, но и либералы. Тогда выступилъ Катковъ и нашелъ въ рѣшительную минуту удачное слово, возбудивъ патріотизмъ русскихъ. Какъ и годъ тому назадъ, онъ страстно напалъ на Герцена и на его направленіе. Онъ не отрицалъ благодѣтельнаго возбужденія, которое раньше внесъ Герценъ. Но онъ объявилъ недостижимыми цѣли, которыя Герценъ ставилъ себѣ въ послѣднее время. Совершенно безразсудно поддерживать польское возстаніе и тѣмъ ослаблять Россію. Тотъ, кто желаетъ конфедераціи всѣхъ славянъ, тотъ не имѣетъ права подрывать передовую силу славянства, которая одна можетъ освободить своихъ соплеменниковъ. Русскій человѣкъ не можетъ имѣть ничего общаго съ польскимъ возстаніемъ, которое возбуждаютъ враги государства, Франція и Англія. Кромѣ того, поляки являются притѣснителями русскихъ въ Украинѣ и Литвѣ; управленіе возстаніемъ перешло изъ рукъ красныхъ въ руки бѣлыхъ; отъ этихъ аристократовъ Россія должна освободить народъ и поддержать крестьянъ, которые уже и сами возстали противъ своихъ польскихъ господъ.

Побѣда Каткова была полная; въ минуту опасности онъ повернулъ общественное мнѣніе въ пользу національнаго дѣла.

Либералы согласились съ нимъ, и даже самые передовые петербургскіе либералы порвали свои связи съ поляками, послѣ того какъ возстаніе изъ рукъ красныхъ перешло въ руки бѣлыхъ. Вѣдь теперь дѣло шло о томъ, чтобы освободить крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ отъ аристократовъ!

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

Очеркъ общественныхъ движеній въ Россіи съ конца XVIII вѣка по 1855 годъ сдѣланъ у автора настолько бѣгло, что для пополненія его пришлось-бы написать большую вступительную главу. Но такое расширеніе предлагаемаго перевода не входитъ въ цѣли нашего изданія. Мы рѣшились поэтому и въ данномъ случаѣ ограничиться лишь самыми необходимыми примѣчаніями.

* * *

Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на перечисленіе авторомъ причинъ, вызвавшихъ въ Россіи движеніе декабристовъ. Въ этомъ перечисленіи поставлены въ одинъ рядъ, безъ всякой, такъ сказать исторической перспективы, поэзія Пушкина и рукописныя стихотворенія Рылѣева, заграничный походъ русской арміи, возникновеніе общества «Арзамасъ», реакціонный поворотъ во внутренней политикѣ Александра I и наконецъ возникновеніе въ 1817 году перваго тайнаго общества подъ вліяніемъ Пестеля. Этотъ безпорядочный перечень далеко неодинаковыхъ по своему значенію событій необходимо привести въ болѣе тѣсную связь съ общимъ ходомъ развитія русской общественной жизни.

Основною причиною въ ряду всѣхъ причинъ, подготовившихъ революціонное движеніе декабристовъ, было несомнѣнно очень близкое соприкосновеніе верхнихъ слоевъ тогдашняго русскаго общества съ западно-европейскою культурою, особенно усилившееся съ послѣдней четверти XVIII вѣка; причемъ, поверхностное подражаніе французскимъ модамъ и манерамъ, соотвѣтствовавшее первоначальному фазису этого сближенія, стало постепенно сопровождаться распространеніемъ въ Россіи западно-европейскаго просвѣщенія и проникновеніемъ въ нее французскихъ освободительныхъ идей. Еще за цѣлое поколѣніе до декабристовъ, это просвѣтительное вліяніе Западной Европы на русское общество обнаружилось въ возникновеніи въ немъ такихъ кружковъ, какъ извѣстное Дружеское Общество Шварца и Новикова, въ появленіи въ немъ такихъ людей, какъ Радищевъ и такихъ сочиненій, какъ

его знаменитая книга (1790 г.). Извѣстно, что А. Н. Радищевъ воспитывался въ Лейпцигѣ, вмѣстѣ съ одиннадцатью другими русскими юношами, которыхъ Екатерина II отправила учиться заграницу, желая «получить людей, въ службѣ политической и гражданской способныхъ». Въ Лейпцигѣ эти русскіе студенты сначала увлекались философіей послѣдователей Лейбница, но скоро, по свидѣтельству ихъ самихъ, вліяніе на нихъ нѣмецкой университетской философіи уступило мѣсто болѣе живому вліянію сочиненій Гельвеція, Гольбаха и Мабли.

Извѣстно также, что событія великой французской революціи не проходили безслѣдно для Россіи и дѣйствовали самымъ возбуждающимъ образомъ на только что зарождавшуюся тогда русскую интеллигенцію. Если вѣрить мемуарамъ Сегюра, жившаго въ то время въ Петербургѣ, оказывается, что взятіе, напримѣръ, Бастиліи вызвало неописуемый восторгъ среди тогдашнихъ петербургскихъ «негоціантовъ, купцовъ, мѣщанъ и нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ болѣе высокаго класса». «Французы, русскіе, датчане, нѣмцы, англичане, голландцы»— говоритъ тотъ-же авторъ — всѣ, посреди улицы, поздравляли другъ друга, обнимались, точно ихъ избавили отъ тяжелой цѣпи, сковывавшей ихъ самихъ».

Мы видимъ, слѣдовательно, что умственная жизнь Западной Европы XVIII вѣка и главнѣйшія историческія событія этой эпохи не прошли совершенно безслѣдно также для русскаго общества. Они отразились на тѣхъ его слояхъ, которые были доступны ихъ вліянію, т. е. прежде всего на верхнихъ дворянскихъ слояхъ, причемъ, какъ это всегда бываетъ, всего сильнѣе отразились именно на молодомъ поколѣніи.

Извѣстно, что движеніе декабристовъ охватило собою почти исключительно одну дворянскую молодежь. Изъ 121 человѣкъ осужденныхъ по этому дѣлу, лишь 12 человѣкъ имѣло тогда болѣе 34 лѣтъ, большинство же остальныхъ не достигло тридцатилѣтняго возраста. Отцы этой молодежи принадлежали въ большинствѣ случаевъ къ такъ называемымъ вольнодумцамъ и вольтерьянцамъ екатерининскаго вѣка; воспитаніе эта молодежь получила или домашнее, подъ руководствомъ иностранныхъ гувернеровъ, или въ частныхъ пансіонахъ, содержавшихся также иностранцами, или же прямо заграницею, въ Парижѣ и Лейпцигѣ. Многіе изъ декабристовъ, впрочемъ, воспитывались въ тогдашнихъ кадетскихъ корпусахъ; но, «кадетскіе корпуса, по словамъ историка Ключевскаго, были тогда разсадниками общаго либеральнаго образованія и всего менѣе были похожи на техническія и военно-учебныя заведенія». Ключевскій указываетъ между прочимъ на значительную роль, какую сыграли въ дѣлѣ воспитанія тогдашней богатой дворянской молодежи частные пансіоны іезуитовъ, проникшихъ въ

Россію вмѣстѣ съ французскими эмигрантами. Это были очень дорогіе пансіоны: они привлекали къ себѣ воспитанниковъ чрезвычайно хорошей постановкой въ нихъ учебной части. Въ общемъ, поколѣніе выставившее изъ своей среды декабристовъ и образовавшее ту среду, въ которой это движеніе встрѣтило подготовленную почву и развилось съ необычайной быстротой, получило очень хорошую по тому времени теоретическую подготовку, причемъ оно было воспитано преимущественно на французской литературѣ и владѣло французскимъ языкомъ, какъ своимъ роднымъ. При такой исключительно благопріятной теоретической подготовкѣ, это молодое поколѣніе вступило почти цѣликомъ въ ряды петербургской гвардіи въ началѣ царствованія Александра I, въ періодъ либеральныхъ надеждъ и мечтаній. Участіе въ войнѣ 1812 г., а затѣмъ въ грандіозныхъ событіяхъ европейской исторіи должно было очень сильно приподнять общее патріотическое настроеніе этой молодежи, причемъ близкое столкновеніе съ западной культурой, какъ упоминаетъ объ этомъ и нашъ авторъ, должно было сдѣлать эту молодежь горячей сторонницей идей гражданственности, свободы и конституціонализма.

«Можно сказать»—говорится въ разборѣ Герцена и Огарева извѣстной книги Корфа «О восшествіи на престолъ императора Николая I» — «въ 1816 г. наше образованное меньшинство состояло изъ людей, внутренно переживившихъ всѣ европейскія событія и готовыхъ проповѣдывать понятія новаго государственнаго устройства именно потому, что ихъ умъ, усвоивъ теорію, вышелъ чистъ изъ европейскихъ событій, не подавленный, не искаженный ни бонапартизмомъ, ни буржуазнымъ началомъ. Война 1812 года заставила ихъ почувствовать свои силы; они были исполнены одушевленія».

Въ такомъ настроеніи эти люди вернулись въ Россію. Это возвращеніе совпало, какъ извѣстно, съ рѣзкимъ реакціоннымъ поворотомъ во всей политикѣ Александра I. Намъ достаточно будетъ напомнить здѣсь, въ нѣсколькихъ чертахъ, лишь главнѣйшія проявленія этой реакціонной политики внутри самой Россіи.

Все внутреннее управленіе русскаго государства было передано тогда Александромъ въ руки ненавистнаго Аракчеева, который уже съ 1815 года пользовался его неограниченнымъ довѣріемъ. Умственная жизнь русскаго общества подпала подъ гнетъ нетерпимѣйшей и невѣжественнѣйшей православно-церковной реакціи, принявшей въ то время такіе размѣры, что въ 1817 году произошло даже сліяніе министерства народнаго просвѣщенія съ вѣдомствомъ святѣйшаго синода, причемъ въ этомъ соединенномъ вѣдомствѣ неограниченная власть принадлежала Голицыну, Руничу и Магницкому. О низахъ тогдашняго русскаго общества нечего уже и говорить.

Жизнь этихъ низшихъ слоевъ была наполнена всѣми ужасами помѣщичьяго и полицейскаго произвола надъ крестьянами, и всѣми ужасами военныхъ поселеній и аракчеевскаго режима въ войскахъ.

Таковы были тѣ общественныя условія, среди которыхъ возникло и развилось въ Россіи революціонное движеніе 20-хъ годовъ. Оно было вызвано рѣзкимъ противорѣчіемъ между идейнымъ настроеніемъ передовыхъ слоевъ русскаго общества и фактическими условіями русской общественной жизни. Вліяніе юношеской поэзіи Пушкина о которомъ упоминаетъ авторъ, могло имѣть въ этомъ случаѣ лишь совершенно второстепенное значеніе. Еще меньшее значеніе въ ряду причинъ, вызвавшихъ движеніе декабристовъ въ Россіи, могло имѣть то литературное общество «Арзамасъ», о которомъ авторъ упоминаетъ очевидно лишь по недоразумѣнію. Общество «Арзамасъ преслѣдовало чисто литературныя цѣли, въ узкомъ смыслѣ этого слова; оно вело борьбу со старо-русскимъ литературнымъ направленіемъ, представителемъ котораго былъ тогда Шишковъ, и состояло изъ почитателей Карамзина и Жуковскаго: Батюшкова, Воейкова, Вяземскаго, Уварова и др. Политическіе взгляды этого литературнаго кружка характеризовались стремленіемъ примирить свободное духовное развитіе съ самодержавіемъ и православіемъ. Основатель «Арзамаса», Блудовъ, участвовалъ, какъ извѣстно, въ слѣдственной коммиссіи по дѣлу декабристовъ и былъ даже авторомъ *донесенія* этой коммиссіи, представленнаго Николаю. Впослѣдствіи онъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Итакъ, движеніе декабристовъ возникло въ Россіи, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ западноевропейскаго умственнаго и политическаго движенія. Оно возникло и распространилось у насъ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія среди образованной молодежи, выдвинутой привиллегированнымъ дворянскимъ сословіемъ, какъ неизбѣжный результатъ просвѣтительной дѣятельности самого русскаго правительства, которая была, въ свою очередь, вызвана неотложными потребностями государства. Въ этомъ смыслѣ, распространеніе западноевропейскихъ идей въ Россіи явилось неизбѣжнымъ результатомъ реформъ Петра Великаго.

Но, съ другой стороны, просвѣтительная дѣятельность монархическаго правительства, обусловленная прежде всего узкими интересами самого государства, необходимо должна была сопровождаться враждебнымъ отношеніемъ этого правительства къ широкому умственному развитію страны и необходимо должна была повлечь за собою спеціальныя реакціонныя мѣры и учрежденія, вызванныя именно этою просвѣтительною дѣятельностью. Если реформы Петра создали университеты, то онѣ же создали цензуру и сознательную,

систематическую реакцію, онѣ же создали Аракчеева и Магницкаго.

Такимъ образомъ конфликтъ между властью и освободительными идеями былъ въ концѣ концовъ неизбѣженъ. Этотъ конфликтъ и вызвалъ, въ данный моментъ и при данной конкретной обстановкѣ, революціонное движеніе декабристовъ. По существу своему, это движеніе носило не столько сословный и классовой, сколько чисто идейный характеръ. Это было, прежде всего, возстаніе избранныхъ или увлекающихся натуръ, во имя общественныхъ и общечеловѣческихъ идеаловъ. Если даже оно окрашивалось сословными тенденціями въ умахъ нѣкоторыхъ изъ его участниковъ, то руководящая роль принадлежала въ немъ людямъ, одушевленнымъ безкорыстными общественными стремленіями.

Въ этомъ именно страстномъ общественномъ чувствѣ, приподнятомъ до готовности итти сознательно на гибель, ради одного примѣра, ради пробужденія всего русскаго общества— какъ это было, напримѣръ, у Рылѣева — и заключалась основная двигательная сила, объединившая всю эту блестящую молодежь и заставившая ее броситься въ опасный политическій заговоръ. Если бы возстаніе декабристовъ кончилось побѣдой, то результаты ея несомнѣнно выразились-бы въ тѣхъ или другихъ сословныхъ формахъ, но эта побѣда была почти невозможной или по крайней мѣрѣ не могла бы быть прочной именно потому, что революціонное движеніе декабристовъ не опиралось на массовые сословные или классовые интересы, а напротивъ того стояло въ рѣзкомъ противорѣчіи съ господствовавшими тогда сословными и классовыми интересами. Все значеніе этого движенія заключалось въ его глубокомъ вліяніи на умы, во внесеніи имъ въ русскую общественную жизнь гуманитарныхъ и революціонныхъ идей и традицій. «Пушечные выстрѣлы на Исакіевской площади» — сказалъ Герценъ — «разбудили цѣлое поколѣніе». Въ этихъ словахъ дана лучшая характеристика революціоннаго движенія декабристовъ.

Тотъ же самый, такъ сказать, подготовительный, идейный характеръ, характеръ борьбы за распространеніе извѣстныхъ революціонныхъ идей и стремленій въ передовыхъ интеллигентныхъ и передовыхъ рабочихъ слояхъ русскаго общества, русское революціонное движеніе носило въ теченіи очень долгаго времени; оно носило его и гораздо позже, въ теченіи всѣхъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, вплоть до второй половины 90-хъ годовъ, когда ему удалось, наконецъ, пробить себѣ дорогу въ рабочія массы и опереться на классовые интересы этихъ рабочихъ массъ.

Но, опираясь, въ теченіи столь долгаго времени, на чисто идейные мотивы и стремленія, и вращаясь преимущественно

въ средѣ молодежи и вообще такъ называемыхъ идеологическихъ элементовъ русскаго общества, революціонное движеніе въ Россіи все болѣе и болѣе демократизировалось по своему составу, охватывало все болѣе и болѣе широкіе слои населенія, все болѣе и болѣе проникало въ рабочія массы и вмѣстѣ съ тѣмъ принимало все болѣе и болѣе соціалистическій характеръ. Въ этомъ именно и заключалось его непрерывное развитіе; въ этомъ именно и состояли его положительные результаты среди тѣхъ безчисленныхъ потерь и жертвъ, которыми оно сопровождалось. Съ этой именно точки зрѣнія и слѣдуетъ оцѣнивать всѣ тѣ перипетіи революціонной борьбы въ Россіи, съ которыми читателю придется встрѣтиться при чтеніи книги Тупа.

* * *

Въ заключеніи этой бѣглой замѣтки, относительно причинъ, вызвавшихъ у насъ движеніе декабристовъ, быть можетъ не лишнимъ будетъ пополнить также слишкомъ краткое изложеніе у автора фактической стороны этого движенія.

Первая мысль о тайномъ обществѣ возникла тогда въ южной арміи, которая послѣ возвращенія изъ-за границы была расположена въ Кіевской и Каменецъ-Подольской губерніяхъ. Возникла эта мысль впервые у братьевъ Муравьевыхъ, Александра и Никиты. Въ 1816 г. Муравьевы пріѣхали въ Петербургъ и здѣсь положили начало первому тайному обществу, назвавшемуся *Союзомъ Спасенія или истинныхъ сыновъ отечества*. Въ него вошли сначала князь Трубецкой, Якушкинъ, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы. Вскорѣ послѣ того въ него вошелъ также и Павелъ Пестель, адъютантъ князя Витгенштейна, командовавшаго южной арміей; это былъ по отзывамъ всѣхъ современниковъ человѣкъ выдающагося ума и необычайно сильнаго характера. Возникшее общество стало быстро пріобрѣтать новыхъ членовъ; въ 1818 году оно переименовалось въ *Союзъ Благоденствія*, принявъ уставъ, отчасти напоминавшій уставъ нѣмецкаго Тугендбунда. Цѣли общества были тогда поставлены довольно широко и неопредѣленно; никто изъ членовъ не долженъ былъ ни въ какомъ случаѣ покидать службы, военной или гражданской, каждый принималъ на себя обязанность стремиться всѣми зависящими отъ него способами ко благу Россіи. Н. Тургеневъ, авторъ замѣчательной въ свое время книги *О теоріи налоговъ*, ставилъ, среди цѣлей общества, на первое мѣсто освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ и непремѣнно съ землей. Пестель тогда же старался придать обществу революціонный характеръ и въ своемъ первомъ проектѣ устава уже вводилъ пунктъ, требовавшій ни въ какомъ случаѣ не присягать наслѣднику престола, не ограничивъ его самодержавія.

Но другимъ лицамъ проектъ Пестеля показался неудобнымъ для первоначальныхъ дѣйствій тайнаго общества, вслѣдствіе чего этотъ проектъ былъ измѣненъ въ болѣе неопредѣленномъ смыслѣ стремленія ко благу Россіи. Въ такомъ видѣ общество просуществовало до 1821 года, очень расширившись въ своемъ составѣ, но почти потерявъ характеръ тайнаго общества. Его дѣятельность за этотъ періодъ времени носила скорѣй культурный и просвѣтительный характеръ и, въ этихъ рамкахъ, несомнѣнно принесла большую пользу Россіи. Во многихъ полкахъ совершенно вывелись тогда изъ употребленія тѣлесныя наказанія солдатъ и даже грубое обращеніе съ ними; во многихъ деревняхъ были заведены школы; создалось общественное мнѣніе, подъ давленіемъ котораго болѣе или менѣе гуманное обращеніе съ крестьянами и стремленіе къ просвѣщенію сдѣлались обязательными для всѣхъ желавшихъ считаться порядочными людьми.

Но эта чисто культурная дѣятельность не удовлетворяла иниціаторовъ движенія, да и не могла разрѣшить того положенія, которое было создано реакціонной политикой Александра. Тогда ими былъ задуманъ рѣшительный шагъ. Въ февралѣ 1821 г., въ Москвѣ былъ созванъ общій съѣздъ тайнаго общества. На этомъ съѣздѣ были подняты вопросы, которые неминуемо должны были вызвать непримиримыя разногласія. Тогда друзья Пестеля, съ согласія другихъ энергичныхъ и убѣжденныхъ членовъ, внесли предложеніе о закрытіи «Союза Благоденствія». Предложеніе было вотировано и общество было объявлено распущеннымъ.

Этого именно и хотѣли руководители движенія. Послѣ закрытія «Союза Благоденствія», ими было организовано новое тайное общество, болѣе замкнутое и уже съ чисто революціонными задачами. Оно раздѣлялось на четыре организаціи или *думы:* въ Петербургѣ, Москвѣ, въ Смоленской губерніи и въ Тульчинѣ (гдѣ была главная квартира южной арміи); но главная роль принадлежала въ этомъ новомъ обществѣ двумъ думамъ: петербургской и тульчинской. Во главѣ послѣдней стояли Пестель, Юшневскій, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы, Волконскій и Бестужевъ-Рюминъ; во главѣ первой — Трубецкой, Оболенскій, Никита Муравьевъ и наконецъ Рылѣевъ, вступившій въ общество въ 1824 году и сразу же занявшій въ немъ руководящее мѣсто.

Общество «Соединенныхъ славянъ», о которомъ упоминаетъ Тунъ, было основано въ 1823 году на югѣ Россіи артиллерійскимъ офицеромъ Борисовымъ; оно состояло изъ русскихъ и поляковъ и было немногочисленно. По предложенію Бестужева, оно скоро присоединилось къ главной организаціи.

Южная дума общества вошла также въ сношенія съ варшавскими политическими кружками и вела съ ними перего-

воры о совмѣстномъ дѣйствіи. Вообще южная дума проявляла усиленную дѣятельность и считала необходимымъ немедленное возстаніе. Одинъ изъ ея плановъ состоялъ въ томъ, чтобы захватить на смотру въ Бобруйскѣ Александра и затѣмъ итти на Петербургъ. Въ числѣ ея членовъ было нѣсколько полковыхъ командировъ (Артамонъ Муравьевъ, Нарышкинъ, Швейковскій, Абрамовъ, Тизенгаузенъ, Враницкій); самъ Пестель также командовалъ Вятскимъ полкомъ, на преданность котораго онъ могъ вполнѣ положиться. Съ другой стороны, общество слишкомъ разрослось и не могло долго оставаться тайнымъ. На него уже были сдѣланы доносы, и наиболѣе энергичные люди понимали необходимость рѣшительныхъ дѣйствій.

Но сѣверная дума была настроена менѣе рѣшительно; въ ней преобладали конституціонные планы, въ противоположность республиканскимъ и якобинскимъ планамъ Пестеля и его приверженцевъ. Въ 1824 г. Пестель самъ ѣздилъ въ Петербургъ, чтобы добиться соединенія обоихъ обществъ подъ однимъ руководительствомъ; но предложенныя имъ насильственныя революціонныя мѣры встрѣтили въ сѣверной думѣ сильную оппозицію, и онъ уѣхалъ изъ Петербурга, прежде чѣмъ успѣлъ переубѣдить всѣхъ петербургскихъ членовъ. Поэтому онъ предложилъ устроить новый общій съѣздъ въ началѣ 1826 года.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда 19-го ноября 1825 г. неожиданно умеръ въ Таганрогѣ Александръ I.

За этой смертью послѣдовало извѣстное замѣшательство въ вопросѣ о престолонаслѣдіи, вызванное тайнымъ, необнародованнымъ своевременно отреченіемъ отъ права на престолъ великаго князя Константина; произошло что-то въ родѣ трехнедѣльнаго междуцарствія; въ то же время въ бумагахъ умершаго царя былъ найденъ доносъ на южное общество, вслѣдствіе чего Пестель и нѣкоторые другіе южные члены были арестованы.

И вотъ, 14-го декабря, въ день приведенія петербургскихъ войскъ ко второй присягѣ, теперь уже въ пользу Николая, а не Константина, произошло военное возстаніе, поднятое членами сѣвернаго общества. Вслѣдъ за его подавленіемъ, была произведена Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ-Рюминымъ подобная же попытка въ южной арміи, также кончившаяся неудачей.

Въ дополненіяхъ къ очень бѣглой характеристикѣ, данной въ книгѣ автора эпохѣ Николая I, мы не будемъ касаться того, что относится собственно до общественной исторіи этого періода

въ широкомъ смыслѣ, т. е. до всего умственнаго и литературнаго движенія 30-хъ и 40-хъ годовъ, несмотря на крайнюю неудовлетворительность изложенія всего этого у автора: съ этой стороны исторія царствованія Николая I уже достаточно разработана въ нашей легальной литературѣ, и читатель можетъ найти въ ней необходимыя данныя для ознакомленія съ литературнымъ движеніемъ этого періода, съ вліяніемъ Гоголя и Грибоѣдова, съ типомъ людей 40-хъ годовъ, съ значеніемъ Станкевича, Грановскаго и Бѣлинскаго, борьбою славянофильскаго направленія съ западниками и т. д.

Поэтому мы ограничимся лишь нѣкоторыми замѣчаніями по поводу того, что относится собственно до развитія революціоннаго движенія въ эту эпоху.

Въ этомъ отношеніи царствованіе Николая I отмѣчаетъ собою нѣкоторый переломъ. Роль высшаго дворянскаго слоя, какъ носителя западноевропейской культуры и революціонныхъ идей въ Россіи, надо считать поконченной послѣ разгрома декабристовъ. Не говоря уже о той прямой потерѣ, которая была нанесена этому передовому слою дворянства гибелью его лучшихъ представителей—а 121 человѣкъ составляли для него очень крупную цыфру—правительственная реакція, начавшаяся еще съ 1815 года и систематически поддерживавшаяся Николаемъ особенно въ арміи, не могла не принести своихъ плодовъ. Самое вліяніе Западной Европы на высшее петербургское общество сдѣлалось тогда вмѣсто революціоннаго — реакціоннымъ; литература XVIII вѣка замѣнилась тогда произведеніями Шатобріана и Жозефа де Местра; связь между революціонными западноевропейскими традиціями и этимъ обществомъ была тогда порвана окончательно. Этотъ поворотъ въ настроеніи высшихъ слоевъ русскаго общества, это пониженіе умственнаго уровня нашего гвардейскаго офицерства и министерскаго чиновничества ни въ какомъ случаѣ не должны быть приписываемы неудавшемуся возстанію 14 декабря. Реакціонный поворотъ въ Россіи начался, какъ мы видѣли, вслѣдъ за возвращеніемъ Александра изъ-за границы и совпалъ съ реакціоннымъ поворотомъ въ правительственныхъ сферахъ всей Западной Европы. Николай I лишь продолжалъ дѣло Аракчеевыхъ и Магницкихъ. Даже въ томъ, что касалось собственно культа грубой солдатчины, Николай не былъ иниціаторомъ. Въ извѣстномъ дѣлѣ Семеновскаго полка (1820 г.), когда солдаты были доведены до возмущенія грубостью и жестокостью полкового командира новаго типа, правительство Александра I показало, съ какой безпощадной жестокостью оно стремилось къ водворенію въ войскахъ той-же николаевской дисциплины.

Вообще этотъ реакціонный поворотъ въ Россіи отмѣчаетъ собою конецъ эпохи вынужденнаго покровительства просвѣ-

щенію со стороны абсолютной монархіи, послѣ того, какъ это покровительство наткнулось на французскую революцію. Это было окончательнымъ разрывомъ правительства съ обществомъ. Съ тѣхъ поръ вся иниціатива умственнаго движенія въ Россіи исходитъ уже изъ среды самого общества, причемъ центрами этого движенія становятся университеты, а носителями его университетская молодежь.

Но эта руководящая политическая роль не сразу перешла въ среду университетской молодежи. Дѣло Петрашевскаго представляетъ въ этомъ отношеніи какъ-бы переходную стадію. Огромное большинство его членовъ принадлежало къ средѣ чиновниковъ, учителей и литераторовъ; изъ 23 человѣкъ, осужденныхъ по этому дѣлу, пятеро были офицерами (Достоевскій, Пальмъ, Момбелли, Львовъ, Григорьевъ), причемъ двое изъ нихъ гвардейцы; самъ Петрашевскій, Спѣшневъ и Кашкинъ воспитывались въ царскосельскомъ лицеѣ. Вообще во главѣ этого движенія стояли люди, хотя и молодые (старшему изъ нихъ было 39 лѣтъ, Петрашевскому — 28), но уже кончившіе образованіе и вступившіе въ жизнь.

Члены слѣдственной комиссіи назвали это движеніе *заговоромъ идей*, и мы видѣли, что авторъ также не придаетъ ему серьезнаго значенія, говоря, что оно было совершенно неорганизованнымъ и ставило своею ближайшею цѣлью лишь саморазвитіе.

Такая оцѣнка врядъ-ли можетъ быть признана справедливой. Ближайшею цѣлью петрашевцевъ было не саморазвитіе, а распространеніе идей Сенъ-Симона и сенъ-симонистовъ, Фурье, Консидерана, Роберта Оуэна, Прудона. Пропаганда этихъ идей велась очень широко; кромѣ вечеровъ Петрашевскаго, собранія происходили тогда у Момбелли, Кашкина, Дурова и Пальма, Плещеева и Дебу. Вечера Петрашевскаго пользовались большою извѣстностью въ Петербургѣ; на нихъ собиралось по 50-ти человѣкъ, «молодыхъ и пожилыхъ, военныхъ и статскихъ». Нѣкто Петровъ, въ письмѣ къ своему знакомому отъ 1 декабря 1848 года, перечисляя удовольствія петербургской жизни, говоритъ о проповѣдяхъ Пильсена, фельетонахъ Плещеева и «пропагандѣ Петрашевскаго».*)

«Когда осенью 1843 года я прибылъ въ Петербургъ изъ-за границы» — говоритъ Анненковъ въ своей статьѣ *Замѣчательное десятилѣтіе* **) — «то встрѣтилъ дома отраженіе многихъ сторонъ тогдашней интеллигентной жизни Парижа. Книги Прудона о собственности, Икарія Кабэ, сочиненія Фурье, все это

*) См. воспоминанія А. Рубинштейна, въ статьѣ Семевскаго въ сборникѣ «На славномъ посту».

**) Въ 3-емъ томѣ его «Воспоминаніи и критическихъ очерковъ» (СПБ., 1871-81г.

служило предметомъ толковъ, вопросовъ и чаяній. Книги названныхъ авторовъ были у всѣхъ въ рукахъ».

Секретная слѣдственная комиссія кромѣ 39 человѣкъ арестованныхъ, упоминаетъ еще о 232 лицахъ, указанныхъ въ донесеніяхъ агентовъ или показаніяхъ обвиняемыхъ. Въ такихъ размѣрахъ идейная пропаганда петрашевцевъ не могла не представить серьезной опасности для самодержавнаго государства и имѣла дѣйствительно революціонное значеніе. Надо замѣтить, также что у петрашевцевъ были нѣкоторыя связи съ провинціей: слѣдственная комиссія установила такую связь съ Ревелемъ и Ростовомъ; Флеровскій упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что къ нимъ въ Казань пріѣхало три человѣка изъ петербургскихъ кружковъ, основанныхъ Петрашевскимъ. и въ самомъ скоромъ времени пріобрѣли въ университетѣ большое вліяніе.

Движеніе не было, конечно, организованнымъ и не имѣло опредѣленной программы: но въ немъ уже намѣчались элементы возможной революціонной организаціи. Самъ Петрашевскій былъ несомнѣнно человѣкомъ революціоннаго темперамента. Одинъ изъ его товарищей такъ характеризуетъ его: «Это былъ человѣкъ сильной души. крѣпкой воли, много трудившійся надъ саморазвитіемъ, всегда углубленный въ чтеніе новыхъ сочиненій и неустанно дѣятельный». Другимъ выдающимся членомъ кружка былъ Спѣшневъ: онъ былъ однимъ изъ наиболѣе радикальныхъ членовъ кружка, и стремился ся перейти изъ области разговоровъ къ практической дѣятельности. Вмѣстѣ со студентомъ Филипповымъ, онъ задумалъ завести у себя тайную типографію и уже пріобрѣлъ нѣкоторыя типографскія принадлежности. Словомъ, если заговора еще и не было въ кружкѣ Петрашевскаго, то, по словамъ Герцена «Липранди, какъ грюфельная ищейка, чуялъ его».

Затѣмъ, по поводу того же дѣла Петрашевскаго, мы должны еще обратить вниманіе читателей на соціалистическій характеръ этого общественнаго движенія. Большинство петрашевцевъ были горячими приверженцами идей Сенъ-Симона, Фурье и Прудона: нѣкоторые изъ нихъ отрицательно относились къ конституціонализму, какъ опирающемуся на избирательный цензъ; словомъ, это движеніе стояло на уровнѣ наиболѣе радикальныхъ общественныхъ теорій, выработанныхъ тогда западноевропейскою жизнью. Мы уже видѣли также, что самые вліятельные и выдающіеся декабристы стояли за демократическую республику, т. е. также за самую радикальную программу своего времени. Это—общая черта всего нашего революціоннаго движенія за разсматриваемую эпоху, проявляющаяся съ его первыхъ шаговъ; она опять-таки указываетъ на основной ***идейный*** характеръ этого движенія, не скованнаго буржуазными интересами и предразсудками, «сво-

боднаго отъ буржуазныхъ началъ», какъ говорятъ авторы разбора книги Корфа. Въ этомъ заключалась сила и слабость первоначальной стадіи русскаго революціоннаго движенія: оно не находило непосредственной опоры въ обществѣ, но зато вело его носителей прямо къ рабочимъ массамъ.

Настаивая на этомъ основномъ характерѣ движенія въ теченіи всего его подготовительнаго періода, мы должны сдѣлать оговорку. Можетъ показаться, что въ такомъ освѣщеніи революціонное движеніе въ Россіи является какъ бы висящимъ въ воздухѣ, не связаннымъ съ экономическими условіями, не вытекающимъ изъ стихійнаго процесса общественнаго развитія. Но такой выводъ будетъ невѣренъ. Этотъ общій характеръ движенія былъ обусловленъ именно объективными данными русской общественной жизни и тѣсно связанъ со всѣмъ ея историческимъ развитіемъ. Онъ былъ обусловленъ, прежде всего, одною изъ самыхъ характерныхъ особенностей русской исторіи: *отсутствіемъ* въ ней развитія городской жизни и городской промышленности, отсутствіемъ въ ней борьбы монархіи съ дворянствомъ, отсутствіемъ въ ней всѣхъ тѣхъ элементовъ, вліяніе которыхъ создало въ Западной Европѣ буржуазію, какъ политическую силу, и противопоставила ее абсолютной монархіи. Если развитіе городской промышленности во Франціи, связанное съ крупною политическою ролью французской средневѣковой буржуазіи, выдвинуло тамъ третье сословіе, какъ готовую политическую силу, то въ Россіи мы видимъ совсѣмъ другое; мы видимъ въ ней крайне слабое развитіе городской промышленности въ теченіи всего крѣпостного періода ея исторіи. Даже и въ послѣ-петровскій періодъ, когда уже стала проявляться безумная расточительность русскаго царскаго двора и высшаго дворянства, удивлявшая иностранныхъ посланниковъ, и когда наши крупные и средніе помѣщики уже вели довольно широкій образъ жизни, всѣ потребности въ продуктахъ городской промышленности и тогда удовлетворялись среди русскаго дворянства, главнымъ образомъ, или привозомъ изъ-за границы въ обмѣнъ на сырые продукты, или трудомъ своихъ собственныхъ мастеровыхъ-дворовыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ наши города, какъ извѣстно, не играли ровно никакой политической роли со временъ паденія Великаго Новгорода и Пскова, благодаря чему наша буржуазія, наше тогдашнее купечество отличалось, можно сказать, классическою темнотою и невѣжествомъ. Таковы были объективныя данныя русской общественной жизни къ тому времени, когда наша абсолютная монархія уже до дна исчерпала всю свою положительную историческую миссію и стала лишь давить однимъ тяжелымъ гнетомъ на народную жизнь.

Когда данный политическій строй переживаетъ самъ себя,

въ странѣ создается революціонное положеніе, создается возможность революціоннаго движенія,—въ томъ случаѣ, конечно, если въ ней находятся элементы, способные къ противодѣйствію. Мы видѣли, что составъ русскаго общества былъ менѣе сложенъ тогда, чѣмъ составъ до-революціоннаго западноевропейскаго общества: въ немъ недоставало третьяго сословія. Оставались, слѣдовательно, съ одной стороны, монархія и привиллегированное дворянство, а съ другой — угнетенная и эксплуатируемая народная масса. Верхній, культурный и образованный слой дворянства выдѣлилъ изъ своей среды элементы сознательной оппозиціи. Одни изъ этихъ элементовъ были вмѣстѣ съ тѣмъ выразителями своихъ чисто-сословныхъ интересовъ; они хотѣли ограниченія монархіи и освобожденія крестьянъ безъ земли (наиболѣе яркимъ представителемъ этого теченія былъ адмиралъ Мордвиновъ). Но это теченіе имѣло противъ себя огромное большинство своего собственнаго сословія, невѣжественнаго и лишеннаго всякихъ политическихъ традицій. При такихъ условіяхъ программа этой части оппозиціи была практически неосуществима, а по своему узко-сословному характеру не могла вызвать того энтузіазма, который необходимъ для революціонныхъ движеній, осужденныхъ на гибель, но пробивающихъ дорогу будущему.

Другіе изъ представителей тогдашняго сознательнаго меньшинства возвысились до идеи общественной справедливости, до высшаго общественнаго идеала своего времени, и только одни эти элементы сознательной оппозиціи соединяли въ себѣ всѣ тѣ условія, которыя были необходимы, при данномъ положеніи Россіи, для активной революціонной борьбы. Вотъ почему тотъ основной идейный характеръ революціоннаго движенія, о которомъ мы говорили, не только не висѣлъ въ воздухѣ, но вытекалъ изъ самыхъ, такъ сказать, историческихъ нѣдръ русской общественной жизни.

* * *

Переходя отъ эпохи Николая I къ общественному движенію конца 50-хъ годовъ, авторъ связываетъ его съ литературнымъ вліяніемъ сначала Герцена, а затѣмъ Чернышевскаго и Добролюбова. Характеристика Герцена, данная Туномъ, нуждается въ поправкахъ. Онъ рисуетъ его какимъ то утопистомъ, на манеръ Руссо, мечтавшимъ о возвратѣ къ простотѣ сельской жизни; между тѣмъ самой, быть можетъ, выдающейся чертой Герцена была именно его безпощадная критика, безстрашный анализъ и скорѣе склонность къ скептицизму, чѣмъ къ утопіи. Покинувъ Россію въ началѣ 1847 г., онъ попалъ въ Европу наканунѣ французской революціи, наканунѣ «блестящаго праздника радикализма». Но онъ покинулъ Россію уже соціалистомъ; онъ былъ однимъ изъ первыхъ людей, по-

нявшихъ обратную сторону политическихъ революцій, однимъ изъ первыхъ людей, для которыхъ магическое слово «республика» потеряло свое обаяніе, и которые связывали прочность общественныхъ переворотовъ съ экономическими перемѣнами.

«Все несчастье прошлыхъ переворотовъ»—писалъ онъ еще въ 1847 году—«состояло именно въ упущеніи экономической стороны, которая тогда не была еще настолько зрѣла, чтобы занять свое мѣсто. Тутъ одна изъ причинъ, почему великія слова и идеи остались словами и идеями».». (Письма изъ Avenue Marigny).

«Во время реставраціи,» —говоритъ онъ дальше въ томъ же письмѣ,—«когда соціальныя идеи были чистой мечтой, далекой, какъ Атлантида Моруса, буржуазія либеральничала со своей политической экономіей, да и какъ ей было не либеральничать? Всѣ перевороты, всѣ несчастія Франціи принесли плоды только среднему состоянію....»

«Но когда проповѣди соціалистовъ стали комментироваться ліонскими и парижскими работниками, когда страшная хоругвь съ надписью: *жить работая или умереть сражаясь!* — мрачно прогуливалась по площади.... буржуазія разомъ отреклась отъ всего либеральнаго кромѣ кукольной комедіи представительной камеры, представляющей опять ее-же самое.... Эксплуатація пролетарія была приведена въ систему, окружена всею правительственною силою; жизнь сведена на средство чеканить монету; государство, судъ, войско на средство беречь собственность.

«Между тѣмъ со дна океана народной жизни подымался тихо, но мощно тотъ же экономическій вопросъ.... Борьба была очевидна, неминуема; характеръ ея можно предсказать. Голодный человѣкъ свирѣпъ, но и мѣщанинъ, защищающій собственность, свирѣпъ... Буржуазія не поступится ни одной изъ своихъ монополій и привилегій. У нея одна религія собственность со всѣми ея римско-феодальными послѣдствіями...

«Борьба началась: кто побѣдитъ, не трудно предсказать: рано или поздно per fas et nefas *побѣдитъ* новое начало. Таковъ путь исторіи. Вопросъ тутъ не въ правѣ, не въ справедливости, а въ силѣ и современности».

Такъ писалъ Герценъ еще до революціи 1848 г. и до іюньскихъ дней. Онъ, будучи въ Москвѣ въ 1843 году, уже отдѣлался отъ романтическихъ взглядовъ на политическую свободу въ ея буржуазныхъ формахъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ, относящихся къ этому году, Анненковъ говоритъ слѣдующее о Герценѣ и Бѣлинскомъ (*Замѣчательное десятилѣтіе*):

«Воинственные манифесты соціализма, возвѣщавшіе истребительный походъ его на европейскую цивилизацію, не приводили ихъ въ ужасъ.... Они думали, что изъ пепла старой

цивилизаціи Европы возникнетъ фениксъ — новый порядокъ вещей, какъ вѣнецъ и послѣднее слово ея тысячелѣтняго развитія».

Извѣстно, что первыя письма Герцена изъ-за границы, его письма изъ Avenue Marigny, вызвали неудовольствіе его московскихъ друзей (Грановскаго и другихъ). «До меня дошли слухи,»—пишетъ Герценъ, — «что мои прежнія письма дурно приняты въ печати. Одни вступились за французскую буржуазію, за нѣмецкую кухню, всѣ за неуважительный тонъ, за легкость и поверхностность, за фамильярность съ предметами почтенными и уважаемыми, за недостатокъ достодолжной скромности въ обращеніи съ старшими братьями... Что касается до уважительнаго тона, то я не вижу никакой необходимости говорить съ почтеніемъ о вещахъ, которыя мнѣ кажутся презрительными, хотя мы ихъ привыкли уважать издали по старымъ воспоминаніямъ. Недостаточно найти страну, въ которой все еще хуже, чтобы находить хорошимъ то, что дѣлается здѣсь. Всѣ кумиры долой!—голая, обнаженная истина лучше приведетъ къ дѣлу, нежели лганье съ доброй цѣлью...»

Кровавые іюньскіе дни, которыми закончилась парижская революція 1848 г., не могли не произвесть удручающаго впечатлѣнія на Герцена; но они не разрушили его вѣры въ соціализмъ; онъ увидѣлъ только, что наступилъ періодъ тяжелой реакціи.

«Это вовсе не значитъ, что я совсѣмъ посхимился, далъ обѣтъ, заклятіе,»—писалъ онъ изъ Италіи въ 1850 г.—«нѣтъ, я поступилъ гораздо проще, я отошелъ въ сторону отъ непогоды и долгаго ненастья, не видя средствъ остановить его».

«Народъ долго не подниметея послѣ такого возстанія и такого пораженія»—писалъ онъ изъ Парижа 1 сентября 1848 г., —«ему надобенъ отдыхъ; онъ лишился всѣхъ друзей своихъ, всѣхъ провожатыхъ... Лишь-бы достало терпѣнія великому парижскому народу; пусть онъ сойдетъ теперь со сцены, облитой его кровью, пусть не смотритъ на событія, не слушаетъ оскорбленія и въ тиши собираетъ свои силы; не знаю, придется-ли ему водрузить хоругвь соціализма на парижской биржѣ, но знаю, что онъ отмститъ за іюньскіе дни, за апрѣльскую измѣну, за обманъ въ ратушѣ, за ложное воззваніе Каваньяка. Войну, начатую іюньскими днями, остановить невозможно. Вся Европа вовлечена въ нее. Трудно переродиться старому Адаму, соціализмъ слишкомъ широкъ для изношенныхъ людей и слишкомъ несовмѣстимъ съ обветшалыми формами, въ которыхъ держится старая жизнь Западной Европы».

Всѣ эти въ высшей степени характерныя мысли Герцена далеко не рисуютъ его ни утопистомъ, ни человѣкомъ, разочаровавшимся въ цивилизаціи, на манеръ Руссо, и обращаю-

щимъ свои взоры къ прошлому. Изъ нихъ видно только, что глубокое пониманіе значенія экономическихъ условій и политическій опытъ Западной Европы заставили его отнестись критически къ «мишурному блеску мѣщанскаго убранства». Приведя слова американца Брейсбана, сказанныя парижскимъ работникамъ въ засѣданіи Прудоновскаго банка въ 1849 году: «Я гражданинъ республики, существующей болѣе семидесяти лѣтъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, но я скажу вамъ откровенно, потому что вамъ это нужно знать: республика вамъ не поможетъ. Все, что политическая республика можетъ дать, она дала Америкѣ; но она безсильна осуществить то общественное состояніе, къ которому стремится современный человѣкъ», — Герценъ сопровождаетъ ихъ такими комментаріями:

«Согласитесь разъ навсегда, что республика неминуемое начало освобожденія народовъ; это первый шагъ, безъ котораго ***не можетъ быть*** второго... Республика просто приличнѣе, нежели монархія; власть въ ней, оставаясь тиранической, лишается таинственнаго помазанія, лишается опьяняющаго характера высшей власти, царскаго величества... Но мы должны однако знать, что само по себѣ слово ***республика*** чрезвычайно неопредѣленно и тягуче; говоря: ***республика***, мы еще ничего не сказали, кромѣ отрицанія наслѣдственной власти и признанія ***какого-нибудь*** участія народа въ общественныхъ дѣлахъ».

Намъ думается, что эти выдержки дадутъ читателю болѣе вѣрное представленіе о политическихъ и соціальныхъ взглядахъ Герцена, нежели бѣглая характеристика Туна. А эти взгляды Герцена интересны для насъ въ данномъ случаѣ еще и потому, что съ ними преемственно связаны нѣкоторыя революціонныя идеи, господствовавшія въ 60-хъ и 70-хъ годахъ.

Но остается еще одинъ вопросъ, о которомъ упоминаетъ Тунъ и по отношенію къ которому довольно прочно установлено мнѣніе объ отсталости и утопичности Герцена: это вопросъ о русской общинѣ. Мы считаемъ необходимымъ и въ этомъ пунктѣ сообщить читателю нѣкоторыя дополнительныя данныя.

Принято думать, что Герценъ въ высшей степени идеализировалъ великорусскую общину, что онъ видѣлъ въ ней готовую форму соціалистическихъ отношеній и что онъ вообще идеализировалъ русскаго крестьянина. При этомъ, въ видѣ послѣдней черточки, еще болѣе подчеркивающей чисто-кабинетный и утопическій характеръ этой теоріи, указывается на то, что и самая-то русская община была открыта для Герцена и его друзей нѣмцемъ Гакстгаузеномъ.

Не трудно показать, что всѣ эти мнѣнія совершенно ошибочны. Прежде всего, общинныя деревенскія учрежденія не могли не быть извѣстны самимъ русскимъ людямъ, часто жи-

вавшимъ въ деревняхъ. Объ этихъ учрежденіяхъ много писали славянофилы ранѣе появленія книги Гакстгаузена (книга эта появилась въ 1847 году, а путешествовалъ ея авторъ по Россіи въ 1843—44 гг.). Такъ, въ 1842 г. Хомяковъ горячо защищалъ въ журналѣ «Москвитянинъ» деревенскія общинныя учрежденія и доказывалъ, что помѣщикамъ необходимо вступать въ соглашенія не съ отдѣльными лицами, а съ цѣлыми обществами, съ сохраненіемъ общиннаго пользованія землею. (См. Семевскаго **Крестьяне въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка**). А вотъ что писалъ Герценъ въ своемъ дневникѣ въ 1843 г.: «Бѣдный русскій мужикъ!... Наши славянофилы толкуютъ объ общинномъ началѣ, о томъ, что у насъ нѣтъ пролетаріевъ, о раздѣлѣ полей. Все это хорошіе зародыши и долею основаны на неразвитости; такъ у бедуиновъ право собственности не имѣетъ эгоистическаго характера; но они забываютъ, съ другой стороны, отсутствіе всякаго уваженія къ себѣ, глупую выносливость всякихъ притѣсненій, — словомъ, возможность жить при такихъ порядкахъ».

Мы видимъ изъ этихъ словъ, что, во первыхъ, Герценъ зналъ о русской общинѣ и до появленія книги Гакстгаузена, а во вторыхъ—что онъ вовсе не идеализировалъ русской общины, а также и русскаго крестьянина; но зато онъ прямо связывалъ уничтоженіе общиннаго землевладѣнія съ обезземеленіемъ. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу въ 1853 г., въ статьѣ **Крещеная собственность**:

«... Часть дворянъ лучше не проситъ, какъ освободить мужиковъ, оставя за собою землю. Что же было бы изъ такого освобожденія?... Помѣщики заключили-бы между собою оборонительный союзъ, установили бы свои цѣны противъ крестьянъ, какъ это было въ Остзейскихъ провинціяхъ. Полиція была-бы на ихъ сторонѣ. Общинное начало было-бы поражено на смерть у вновь освобожденныхъ; деревня потеряла-бы свое коммунистическое единство и въ полстолѣтіе мы перегнали-бы Ирландію.

«Есть люди, поддерживающіе до сихъ поръ освобожденіе безъ земли, освобожденіе въ голодъ и безпріютность, воображая, что въ этомъ новомъ пролетаріатѣ непремѣнно разовьется революціонное начало.

«Быть голоднымъ и пролетаріемъ вовсе недостаточно для того, чтобы сдѣлаться революціонеромъ. Взвода полисменовъ достаточно, чтобы держать ирландцевъ въ повиновеніи законамъ, лишающимъ ихъ куска хлѣба. Вообще пролетарій полей очень миренъ, кругъ его понятій тѣсенъ, онъ слишкомъ подавленъ и сгнетенъ къ землѣ, чтобы быть болѣе, нежели недовольнымъ. Его не надо смѣшивать съ работникомъ большихъ городовъ и политическихъ центровъ... Русскіе, говорящіе такъ легко о разрушеніи сельской общины, никогда не

думали, что же останется, что будетъ, когда этотъ послѣдній узелъ народной жизни, насильственно развязанный, распустится. Народъ русскій все вынесъ, но спасъ общину; община спасла русскій народъ; уничтожая ее, вы отдаете его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, помѣщику и полиціи.... Говорятъ, что община поглощаетъ личность и что она несовмѣстима съ ея развитіемъ. Въ этомъ мнѣніи есть доля правды. Всякій неразвитой коммунизмъ подавляетъ отдѣльное лицо. Но не надо забывать, что русская жизнь находила сама въ себѣ средства отчасти восполнить этотъ недостатокъ...» И далѣе Герценъ говоритъ о «подвижной общинѣ работниковъ», т. е. объ артели, и о казацкой общинѣ; говоритъ также о «естественномъ, безотчетномъ сочувствіи славянъ съ соціализмомъ». Но изъ всего этого ни въ какомъ случаѣ нельзя заключить, чтобы онъ видѣлъ въ этихъ примитивныхъ общинныхъ учрежденіяхъ что-нибудь больше простыхъ хорошихъ задатковъ:

«Само собою разумѣется», — пишетъ онъ дальше, —«что ни въ коммунизмѣ деревень, ни въ казацкихъ республикахъ мы не могли-бы найти удовлетворенія нашимъ стремленіямъ. Все это было дико, молодо, неразвито; но изъ этого не слѣдуетъ, что намъ должно ломать эти незрѣлыя начинанія; напротивъ, ихъ надобно продолжать, развивать, образовывать. Тутъ нѣтъ большого достоинства, что мы неподвижно сохранили нашу общину, въ то время какъ германскіе народы ее утратили; но это большое счастье, и его не надобно выпускать изъ рукъ. Мы долго ждали, долго времениіи; воспользуемся же опытностью нашихъ сосѣдей, она имъ страшно дорого стоитъ».

А что Герценъ понималъ подъ опытомъ нашихъ сосѣдей, видно изъ слѣдующей его характеристики западноевропейскаго крестьянства.

«Крестьянинъ на западѣ вообще однодворецъ; если онъ богатѣетъ, то дѣлается полевымъ мѣщаниномъ.. Деревенскіе мѣщане — собственники составляютъ на Западѣ слой населенія, который тяжело налегъ на сельскій пролетаріатъ и душитъ его, но мелочи и на чистомъ воздухѣ, такъ же какъ фабриканты душатъ работниковъ гуртомъ, въ чаду и смрадѣ своихъ рабочихъ домовъ.

«Сословіе сельскихъ собственниковъ почти вездѣ отличается изувѣрствомъ, необщительностью и скупостью: оно сидитъ взаперти въ своихъ каменныхъ избахъ, далеко разбросанныхъ и окруженныхъ полями, отгороженными отъ сосѣдей. На нихъ работаетъ батракъ, бобыль, словомъ сельскій пролетарій, составляющій огромное большинство всего полевого населенія». (Соч. т. V, стр. 222).

Такъ вотъ, желая предохранить Россію отъ того «одичанія въ одиночествѣ» и отъ того культа собственности, которые были связаны въ западноевропейскомъ крестьянствѣ съ разрушеніемъ общественной деревенской жизни, въ основѣ которой лежало общинное пользованіе землей, Герценъ и настаивалъ на необходимости поддержанія и развитія его въ Россіи.

Въ этомъ отношеніи, такъ же какъ и въ своемъ крайне отрицательномъ взглядѣ на либеральную буржуазію, онъ вполнѣ сходился съ своими ближайшими преемниками и продолжателями, т. е. Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. Такъ какъ взгляды послѣднихъ болѣе извѣстны читающей публикѣ, то мы приведемъ здѣсь только нѣсколько выдержекъ изъ статей Чернышевскаго объ общинномъ землевладѣніи, чтобы напомнить читателю о почти полномъ тождествѣ мнѣній Герцена по этому вопросу съ мнѣніями человѣка, который уже ни въ какомъ случаѣ не былъ склоненъ къ утопіямъ.

Въ 1857 г., въ «Замѣткахъ о журналахъ» Чернышевскій писалъ слѣдующее (*Современникъ*, № 4): «Мы видимъ, какія печальныя послѣдствія породила на Западѣ утрата общинной собственности, и какъ тяжело возвратить западнымъ народамъ свою утрату. Примѣръ Запада не долженъ быть потерянъ для насъ. Вопросъ о земледѣльческомъ бытѣ — важнѣйшій для Россіи, которая очень надолго останется государствомъ по-преимуществу земледѣльческимъ, такъ что судьба огромнаго большинства нашего племени долго еще—цѣлые вѣка—будетъ зависѣть, какъ зависитъ теперь, отъ сельскохозяйственнаго производства».

«Нельзя скрывать отъ себя того,» —говоритъ онъ дальше, — «что Россія, доселѣ мало участвовавшая въ экономическомъ движеніи, быстро вовлекается въ него... Черезъ десять лѣтъ мы будемъ имѣть по крайней мѣрѣ четыре тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ, черезъ тридцать лѣтъ, по самому скромному разсчету—тридцать тысячъ....» Далѣе онъ говоритъ о неизбѣжномъ поднятіи цѣнъ на землю, о развитіи внѣшней торговли, о быстромъ ростѣ промышленныхъ капиталовъ, объ измѣненіи всего матеріальнаго быта народа: «русскіе люди, волей — неволей, должны будутъ въ матеріальномъ бытѣ жить, какъ живутъ другіе цивилизованные народы», перейти отъ натуральнаго хозяйства къ капиталистическому, замѣнить домашнее производство сукна и другихъ тканей фабричнымъ и т. д. «Все это совершается еще на глазахъ нашего поколѣнія въ селахъ, какъ до сихъ поръ совершалось только въ большихъ городахъ...» «Но каковы бы ни были эти преобразованія» — такъ заканчиваетъ Чернышевскій свою мысль, —«да не дерзнемъ мы коснуться священнаго, спасительнаго обычая, остав-

леннаго намъ нашею прошедшею жизнью, бѣдность которой съ избыткомъ искупается однимъ этимъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ, да не дерзнемъ мы посягнуть на общинное пользованіе землями, на это благо, отъ пріобрѣтенія котораго теперь зависитъ благоденствіе земледѣльческихъ классовъ Западной Европы».

Эти мнѣнія самыхъ крупныхъ революціонныхъ мыслителей 50-хъ и 60-хъ годовъ имѣютъ большое значеніе въ исторіи нашего революціоннаго движенія, такъ какъ съ ними тѣсно связаны послѣдующія революціонныя направленія,—т. е. главнымъ образомъ революціонное народничество. Вотъ почему мы такъ долго задержались на нѣсколькихъ строкахъ въ книжкѣ Туна, относящихся къ этому вопросу. Дѣло здѣсь не только въ томъ, что соціализмъ еще не вступилъ тогда въ современный научный фазисъ, какъ говоритъ авторъ, — хотя несомнѣнно и это имѣло свое значеніе,—а гораздо глубже. Мы знаемъ, что то революціонное теченіе, которое возникло въ Россіи подъ прямымъ вліяніемъ соціалистической пропаганды 50-хъ и 60-хъ годовъ, никогда вполнѣ не исчезало, въ главной основѣ своей, изъ русскаго революціоннаго движенія и въ послѣдніе годы возрождается съ новой силой. Причина этого заключается въ той долѣ глубокой научной и жизненной правды, которая содержалась въ идеяхъ Герцена и Чернышевскаго объ историческомъ значеніи русскаго крестьянства, а также и общиннаго владѣнія землею.

Съ революціонной точки зрѣнія, весь вопросъ о русскомъ крестьянствѣ и объ общинномъ землевладѣніи, всѣ дальнѣйшіе фазисы, черезъ которые прошли относящіеся сюда споры и разногласія, сводятся къ одному главному и въ высшей степени важному пункту революціонной программы: способно-ли русское крестьянство въ его массѣ и какъ таковое, т. е. ***до своей пролетаризаціи***, до своего полнаго обезземеленія и перехода въ разрядъ наемныхъ рабочихъ, быть вовлеченнымъ въ соціалистическое движеніе? Или же, ранѣе этого, Россія ***необходимо должна*** пройти черезъ стадію такого развитія капиталистической промышленности, при которой одна часть крестьянства была бы увлечена въ города, а другая обращена въ сельскій пролетаріатъ?

Вотъ та дилемма, которая лежала и еще лежитъ до сихъ поръ въ глубинѣ теоретическихъ обоснованій двухъ изъ нашихъ главнѣйшихъ революціонно-соціалистическихъ направленій. Отсюда длившійся такъ долго споръ о быстротѣ и размѣрахъ развитія нашей капиталистической промышленности, споръ о внѣшнихъ рынкахъ, принявшій значеніе существенно важнаго революціоннаго вопроса; отсюда прошумѣвшая еще такъ недавно теорія независимости развитія капиталистиче-

ской промышленности отъ всякихъ рынковъ; отсюда же, наконецъ, основныя различія между современными аграрными программами соціалистовъ-революціонеровъ и соціаль-демократовъ.

* *
*

Въ разсказѣ объ общественныхъ движеніяхъ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, Тунъ придаетъ не вполнѣ вѣрное освѣщеніе этимъ событіямъ. Въ его разсказѣ революціонное движеніе этой эпохи не отдѣлено рѣзко отъ либеральнаго и конституціоннаго. «Въ началѣ 1862 г.» — говоритъ онъ — «между соціалистами студентами и конституціоналистами господствовало сильное возбужденіе», причемъ къ либерально-конституціонному движенію онъ относитъ одинаково и тайное общество «Великоруссъ», и адресъ московскаго дворянскаго собранія. Такимъ образомъ все движеніе получаетъ у него крайне неопредѣленный характеръ. Между тѣмъ въ этомъ движеніи слѣдуетъ отличать три совершенно различныхъ теченія: революціонное, умѣренно - либеральное и чисто дворянское. Первое изъ нихъ носило соціалистическую окраску. Представители его еще до 1861 года, т. е. ранѣе объявленія воли потеряли всякую вѣру въ правительство и перешли на революціонную почву. Это именно и создало рѣзкое отношеніе «Современника» къ либераламъ. Вокругъ «Современника» группировались тогда революціонеры, входившіе въ составъ кружка Михайлова и Серно-Соловьевича; участіе въ этомъ кружкѣ Добролюбова и Чернышевскаго до сихъ поръ не выяснено вполнѣ. Что касается Добролюбова, то, судя по настроенію его послѣднихъ статей въ «Современникѣ», врядъ-ли можно сомнѣваться въ его принадлежности къ возникавшему тогда революціонному соціалистическому движенію. Активное участіе Чернышевскаго въ революціонныхъ предпріятіяхъ менѣе достовѣрно; его осудили на каторгу на основаніи показаній предателя, Всев. Костомарова и подложныхъ писемъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что Чернышевскій былъ идейнымъ вдохновителемъ этого революціоннаго движенія. Его вліяніе на умы молодежи было громадно и поддерживалось въ теченіи всѣхъ 60-хъ и 70-хъ годовъ; въ лицѣ Чернышевскаго русское соціалистическое движеніе имѣло на своей сторонѣ одного изъ первоклассныхъ критиковъ буржуазной политической экономіи. Кромѣ того, какъ сильный и самостоятельный умъ, Чернышевскій далъ вполнѣ конкретную и опредѣленную постановку соціальному вопросу въ Россіи и, какъ мы уже видѣли, выдвинулъ на первое мѣсто вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи. Эта теоретическая постановка и послужила исходной точкой для всѣхъ революціонныхъ программъ начала 60-хъ годовъ.

Революціонное движеніе открылось тогда распространеніемъ прокламаціи Михайлова «къ молодому поколѣнію»: это произошло лѣтомъ 1861 года. За этою прокламаціей слѣдовали другія: «Что нужно народу», «Къ барскимъ крестьянамъ», «Молодая Россія». Всѣ эти прокламаціи носили одинъ и тотъ же характеръ: это былъ призывъ къ возстанію, неподготовленному никакой предшествовавшей организаціонной работой, —призывъ, обращенный одновременно и къ крестьянству и къ образованному обществу. Главными требованіями выставлялось тогда сверженіе самодержавія и разрѣшеніе земельнаго вопроса.

Чтобы познакомить читателей съ характеромъ этихъ прокламацій, мы приведемъ изъ нихъ нѣсколько выдержекъ.

«... Намъ нуженъ не царь, не императоръ, не помазанникъ божій, не горностаевая мантія, прикрывающая наслѣдственную неспособность... а выборный старшина, получающій за свою службу жалованье... Если Александръ II не понимаетъ этого и не хочетъ добровольно сдѣлать уступку народу, тѣмъ хуже для него. Общее неудовольствіе могло бы еще быть успокоено; но если царь не пойдетъ на уступки, если вспыхнетъ общее возстаніе, недовольные будутъ послѣдовательны: они придутъ къ крайнимъ требованіямъ. Пусть подумаетъ объ этомъ правительство... Молодое поколѣніе! Не забывайте же того, что мы обращаемся къ вамъ по преимуществу, что только въ васъ мы видимъ людей, способныхъ пожертвовать личными интересами благу всей страны... Мы хотимъ, чтобы земля принадлежала не лицу, а странѣ; чтобы у каждой общины былъ свой надѣлъ, чтобы личныхъ землевладѣльцевъ не существовало... мы хотимъ сохраненія общиннаго владѣнія землею, съ передѣлами черезъ большіе сроки. Правительственная власть не должна касаться этого вопроса. Если идея общиннаго землевладѣнія есть заблужденіе, пусть оно кончится само собой, умретъ вслѣдствіе собственной несостоятельности, а не подъ вліяніемъ экономическаго ученія запада...»

Такъ говорилось въ прокламаціи Михайлова; а вотъ что говорилось въ прокламаціи «Что нужно народу», напечатанной въ «Колоколѣ» въ 1861 г. и потомъ распространявшейся въ отдѣльныхъ оттискахъ въ Россіи:

«... Земля никому другому не принадлежитъ, какъ народу. Кто занялъ землю, которую зовутъ Россіей? Кто ее воздѣлалъ, кто ее споконъ вѣковъ отвоевывалъ и отстаивалъ противъ всякихъ враговъ?... Увидѣли теперь сами, что такъ жить нельзя, задумали исправить дѣло, четыре года писали да переписывали бумаги, наконецъ, рѣшили дѣло и объявили народу свободу... Однако, какъ зачали генералы да чиновники толковать народу Положенія, оказывается, что воля дана только на словахъ, а не на дѣлѣ... Слушаетъ народъ, что ему тол-

куютъ генералы и чиновники про волю и понять не можетъ —какая это воля безъ земли, подъ помѣщичьими и чиновничьими розгами».

Далѣе въ прокламаціи доказывается, что народу необходимо самому добывать себѣ землю и волю: «... Шумѣть безъ толку и лѣзть подъ пулю въ разбивку нечего; а надо молча собираться съ силами и искать людей преданныхъ, которые помогли бы совѣтомъ и руководствомъ, и словомъ и дѣломъ, и казной и жизнею, чтобы можно было умно, твердо и спокойно, дружно и сильно отстоять противъ царя и вельможъ землю мірскую, волю народную, да правду человѣческую».

О прокламаціи «Къ барскимъ крестьянамъ», приписанной правительствомъ Чернышевскому, мы знаемъ только по краткому изложенію ея содержанія въ сенатской запискѣ, служившей обвинительнымъ актомъ по его дѣлу. Согласно этому изложенію. въ прокламаціи говорилось, что царь обманулъ крестьянъ и что на основаніи «Положенія» они будутъ въ еще большей кабалѣ, чѣмъ были прежде, и окончательно разорятся; затѣмъ крестьянамъ объяснялось, въ чемъ именно состоитъ воля, и приводились въ примѣръ Франція и Англія, гдѣ нѣтъ ни подушныхъ, ни рекрутчины, ни паспортовъ, гдѣ всѣмъ управляетъ народъ и гдѣ цари находятся подъ властью народа, который выбираетъ и смѣняетъ ихъ, если они не нравятся. Въ заключеніи авторъ прокламаціи приглашаетъ «барскихъ крестьянъ сговориться добывать себѣ волю въ тайнѣ, подговаривать къ тому же государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и солдатъ, а когда все будетъ готово, онъ обѣщаетъ дать сигналъ къ общему возстанію».

Меньшее значеніе имѣетъ для насъ прокламація «Молодая Россія.» Она вышла въ 1862 г. изъ очень небольшого московскаго кружка Аргиропуло и Зайчневскаго и по воспоминаніямъ одного изъ современниковъ, не встрѣтила тогда сочувствія среди петербургской молодежи. Въ то время въ Петербургѣ, въ кружкѣ Н. Серно-Соловьевича уже было положено начало тайному обществу «Земля и Воля», но это общество даже ничего не знало о готовившейся московскимъ кружкомъ прокламаціи, которая дала лишь поводъ реакціонерамъ обвинять революціонеровъ въ кровожадности. Но и въ этой прокламаціи на первомъ мѣстѣ стоитъ народъ и общинное землевладѣніе: «..Снизу слышится глухой и затаенный ропотъ народа, народа угнетаемаго и ограбляемаго всѣми, у кого въ рукахъ есть хоть доля власти...Эта всѣми притѣсняемая и ограбляемая партія — народъ... ...Сверху, надъ нею стоитъ небольшая кучка людей довольныхъ и счастливыхъ. Это — помѣщики,.. это — купцы, нажившіе себѣ капиталы грабежемъ и обманомъ, это—чиновники, накравшіе себѣ состояніе. Однимъ словомъ, всѣ имущіе,—всѣ, у кого есть собственность родовая или благопрі-

обрѣтенная. Во главѣ ея царь... Это партія ***императорская***... Выходъ изъ этого гнетущаго, страшнаго положенія... одинъ— революція, революція кровавая, неумолимая,—революція, которая должна измѣнить радикально всѣ, всѣ безъ исключенія основы современнаго общества и погубить сторонниковъ нынѣшняго порядка. Мы не страшимся ея, хотя и знаемъ, что прольется рѣка крови, что погибнутъ, можетъ быть, и невинныя жертвы...»

Нѣсколько иной характеръ носятъ двѣ другія прокламаціи: отъ тайной организаціи «Великоруссъ» и отъ тайнаго общества «Земля и Воля»; первая появилась въ 1861 г., а вторая въ 1863 г. Организація «Великоруссъ» находилась въ тѣсной связи съ революціоннымъ движеніемъ среди офицерства. Извѣстно, что въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ изъ среды офицеровъ Артиллерійской Академіи и академіи Генеральнаго Штаба вышло много революціонеровъ*); большинство ихъ погибло въ польскомъ возстаніи. Прокламація «Верикорусса» печаталась въ типографіи Академіи Генеральнаго Штаба: одинъ изъ офицеровъ этой академіи, Вл. Обручевъ, былъ осужденъ на каторгу за участіе въ этой организаціи. Обручевъ былъ любимцемъ Чернышевскаго и сотрудникомъ Современника.

Общество «Земля и Воля» было попыткой объединить всѣ революціонные кружки въ одну организацію. «Мы достовѣрно знаемъ»,—писалъ Герценъ въ «Колоколѣ» отъ 1 марта 1863 г. «что столичные и областные круги, соединяясь между собою и съ офицерскими комитетами, сомкнулись въ одно общество».

Прокламаціи этихъ организацій носятъ иной характеръ въ томъ отношеніи, что въ нихъ видно стремленіе предупредить стихійный характеръ движенія и создать руководящую общественную силу. Вотъ что мы читаемъ въ прокламаціи «Великорусса»:

«... Мнѣнія о томъ, способна-ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо, очень раздѣлены. Многіе изъ конституціоналистовъ думаютъ, что нынѣшній государь самъ расположенъ къ конституціонному порядку... Другіе находятъ, что анекдоты о мнимыхъ конституціонныхъ намѣреніяхъ нынѣшняго государя неосновательны. ... Такъ думаютъ всѣ лица, съ должнымъ вниманіемъ разсматривавшія дѣйствія нынѣшняго государя... Но будучи согласны въ томъ, что царствующему государю противна всякая мысль о законной формѣ правленія, эти люди расходятся между собою въ мнѣніяхъ о томъ, къ чему же возможно теперь стремиться. Одни думаютъ, что низложеніе династіи— дѣло легкое

---

*) Между прочимъ, Сѣраковскій, Потебня и Шелгуновъ; однимъ изъ профессоровъ этой академіи былъ П. Л. Лавровъ, вошедшій въ организацію «Земля и Воля».

при раздраженіи простого народа, озлобленіи помѣщиковъ, недовольствѣ образованнаго класса и разстройствѣ финансовъ. Другіе находятъ, что при всемъ изобиліи революціонныхъ началъ въ націи, просвѣщенные классы еще мало расположены поддержать подобное стремленіе, къ которому ужъ такъ близокъ народъ.

«Видя такое разногласіе между друзьями свободы, комитетъ думаетъ, что для блага націи надобно дать время провѣрить свои мысли людямъ, считающимъ сохраненіе династіи вещью совмѣстною съ конституціоннымъ правленіемъ. Если нынѣшній государь добросовѣстно откажется отъ произвола, проигрышъ республиканской партіи будетъ не особенно великъ. Истинно конституціонная монархія мало отличается отъ республики. Что касается комитета, онъ, вмѣстѣ съ передовою частью патріотовъ, увѣренъ, что законность и нынѣшняя династія — вещи, которыхъ нельзя соединить. Тѣмъ не менѣе онъ убѣждаетъ передовыхъ патріотовъ ограничиться на первое время только тѣмъ, чтобы помогать умѣренной партіи, желающей сдѣлать такую пробу. Время, употребленное на этотъ опытъ, не будетъ потеряно для политическаго воспитанія націи. Сами факты пусть раскроютъ глаза людямъ, питающимъ ошибочную надежду на династію. Всего важнѣе, чтобы друзья свободы дѣйствовали заодно...

«Сообразно этому, слѣдуетъ на первый разъ испытать мирныя средства. Должно подать государю адрессъ. Проектъ адресса мы разсылаемъ. Онъ написанъ въ самомъ умѣренномъ духѣ...

«... На людяхъ, особенно сильныхъ умомъ и характеромъ, лежитъ еще другая обязанность: организовать и дисциплинировать движеніе. Они должны составлять комитеты, которые систематически руководили-бы партіями...

«... Заставить правительство согласиться на требованіе публики будетъ легко. Не въ этомъ мы сомнѣвались, говоря о несовмѣстности нынѣшней династіи съ конституціей. Мы думаемъ, что, согласившись на все, династія будетъ потомъ стараться взять назадъ свои уступки. Но прямо противиться требованію, выраженному всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ, она не можетъ. Пусть каждый подумаетъ, возможно-ли съ Москвой и Петербургомъ поступить такъ, какъ съ Варшавой, Вильной или какимъ-нибудь селомъ Бездной? Нѣтъ, нѣтъ. Депутація русскихъ столицъ, опираясь на всѣ великорусскія провинціи, представитъ собою могущество, передъ которымъ опустятся штыки, поблѣднѣютъ придворные и смирится безпомощный царь. Поймите свою силу вы, къ кому мы обращаемся теперь.

«... Мы посмотримъ, какое дѣйствіе произведетъ наше обращеніе на образованные классы. Мы обращаемся къ нимъ,

какъ обѣщали. Но если мы увидимъ, что они не рѣшаются дѣйствовать, намъ не останется выбора: мы должны будемъ дѣйствовать на простой народъ, и съ нимъ мы будемъ принуждены говорить уже не такимъ языкомъ и не о такихъ вещахъ. Долго медлить рѣшеніемъ нельзя: если не составятъ образованные классы мирную оппозицію, которая вынудила-бы правительство до весны 1863 г. устранить причины къ возстанію, — народъ неудержимо подниметея лѣтомъ 1863 года. Отвратить это возстаніе патріоты не будутъ въ силахъ и должны будутъ позаботиться только о томъ, чтобы оно направилось благотворнымъ для націи образомъ».

Та же самая мысль проводится и въ прокламаціи отъ общества «Земля и Воля», какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ ея:

«... Единственный источникъ всѣхъ бѣдствій, терзающихъ Россію, есть самодержавный деспотизмъ. . Наша организація составилась изъ людей, непоколебимо убѣжденныхъ — и по слишкомъ очевиднымъ даннымъ — что, при неспособности правительства, революція въ Россіи неизбѣжна, что она неминуемо разразится въ возстаніе ограбленнаго и подавленнаго народа и что, при жестокости и тупоуміи правительства, она можетъ получить исполинскіе размѣры кровавой драмы, — если все или, по крайней мѣрѣ, большинство, способное и честное изъ образованныхъ классовъ не станетъ на сторону доведеннаго до отчаянія народа и не обезсилитъ тѣмъ окончательно правительства, лишивъ его какой-бы то ни было пользы въ дикомъ упорствѣ... Такимъ образомъ, выступая на борьбу съ правительствомъ за права народныя, народный комитетъ въ настоящее время ставитъ себѣ одной изъ задачъ — привлеченіе образованныхъ классовъ на сторону интересовъ народа и, значитъ, своихъ собственныхъ. Въ этой задачѣ ясно стремленіе такъ называемыхъ революціонеровъ — предотвратить или по крайней мѣрѣ ослабить то кровопролитіе, которое правительство вызываетъ своимъ дальнѣйшимъ существованіемъ...»

По всѣмъ этимъ сохранившимся документамъ можно составить себѣ нѣкоторое представленіе о революціонномъ движеніи начала 60-хъ годовъ. Оно велось во имя «народныхъ» интересовъ, во имя интересовъ трудящагося крестьянства; вопросъ о землѣ вездѣ выдвигался въ немъ на первое мѣсто. Ближайшею цѣлью ставилось свержевіе самодержавія, а основой движенія признавалось стихійное возстаніе крестьянъ. На возможности и даже неизбѣжности этого грознаго возстанія строились и организаціонные планы революціонеровъ, ихъ стремленіе привлечь на свою сторону «образованные классы» и принудить правительство къ отреченію отъ самодержавной власти.

Это движеніе было замкнуто въ тѣсную среду революціонно-настроенной части молодежи. «Образованные классы» сторонились, конечно, всякихъ тайныхъ обществъ и такъ или иначе мирились съ данными реформами. Что касается недовольства и раздраженія крѣпостниковъ, то ихъ конституціонные планы не шли дальше вѣрноподданническихъ адрессовъ и не представляли для правительства никакой серьезной опасности. Въ общемъ, какъ либеральная, такъ и чисто дворянская оппозиція не оказывала тогда, какъ и послѣ, никакого вліянія на ходъ революціоннаго движенія въ Россіи, т. е. не оказывала ему никакой поддержки, вслѣдствіе чего оно было и оставалось изолированнымъ.

* * *

Что касается польскаго возстанія, то, помимо тѣхъ соображеній, которыя приводитъ Тунъ, легко понять, что русскіе революціонеры того времени не могли отнестись враждебно или даже индифферентно къ начавшемуся въ Польшѣ движенію и волей-неволей должны были связать свое дѣло съ дѣломъ поляковъ. Если бы даже они видѣли, что ихъ собственному движенію грозитъ опасность и даже гибель отъ взрыва реакціи и дикаго патріотизма, у нихъ все-таки не было другого исхода, такъ какъ отстраниться въ эту минуту отъ поляковъ значило признать право русскаго государства на подавленіе Польши.

До какой степени положеніе русскихъ въ то время было безвыходно, доказывается тѣмъ,что нѣсколько русскихъ офицеровъ застрѣлилось,чтобы только не принимать участія въ усмиреніи и бойнѣ поляковъ (офицеры Рейтернъ, Корфъ, Бентковскій); Поповъ сломалъ передъ фронтомъ свою шпагу; Давистовскій и Павловичъ разстрѣлены за то, что подали въ отставку, не желая сражаться съ поляками.

Это трагическое положеніе русскихъ революціонеровъ, переживавшихъ кровавыя перипетіи подавленія польскаго возстанія, видно изъ слѣдующихъ словъ, вырвавшихся тогда у Герцена:

«Братья, братья! Что же съ нами дѣлаютъ эти люди, эти нѣмцы? Что они дѣлаютъ изъ нашихъ солдатъ, что они дѣлаютъ изъ нашего отечества?... Вотъ зажигатели-то, вотъ разбойники-то, коммунисты его императорскаго величества!..

«... Что же вы, анафемы, сдѣлали изъ всѣхъ усилій нашихъ? Все, что мы лѣпили по песчинкѣ — смыли ваши помои, унесла ваша грязь, и черезъ 15 лѣтъ я снова, идя по улицѣ, *боюсь, чтобы не узнали, что я русскій*»...

Глава вторая.

Приостановка въ революціонномъ движеніи. (1863 — 1872).

Такимъ образомъ въ 1863 году радикальный соціализмъ и польская революція были побѣждены русскимъ патріотизмомъ; Катковъ наслѣдовалъ Герцену. Послѣ ареста наиболѣе энергичныхъ членовъ «Земли и Воли», общество распалось на нѣсколько мелкихъ кружковъ; они прекратили печатаніе прокламацій, чтобы не компрометировать напрасно людей, распустили организацію распространителей своихъ воззваній и постепенно умерли естественною смертью. Правительство, держась рецепта Каткова: «наши внутренніе враги опаснѣе внѣшнихъ»,—продолжало производить аресты до конца 1864 г., въ Москвѣ, С.-Петербургѣ и другихъ городахъ, и ссылало вожаковъ движенія въ Сибирь *). Организація же остальныхъ

*) Наиболѣе важной была ссылка Чернышевскаго. Его обвиняли въ томъ, что онъ былъ авторомъ прокламаціи, въ которой крѣпостные крестьяне призывались къ возстанію; послѣ двухлѣтняго предварительнаго заключенія онъ былъ приговоренъ къ 7 годамъ каторжныхъ работъ, хотя на основаніи совершенно недостаточныхъ уликъ. Но правительство настолько боялось духовной силы этого человѣка, что по истеченіи первой половины наказанія, по предложенію графа Шувалова, въ государственномъ совѣтѣ было отклонено, по отношенію къ нему, обычное смягченіе наказанія, и онъ до 1883 г. томился въ Якутской области. (По окончаніи срока каторжныхъ работъ Н. Г. Чернышевскій не былъ переведенъ на поселеніе, а только перевезенъ въ Вилюйскъ, одинъ изъ самыхъ сѣверныхъ городовъ Якутской области (500 жителей), гдѣ помѣщенъ въ особомъ острожкѣ подъ постояннымъ карауломъ жандармовъ. Онъ былъ освобожденъ только въ 1883 г. (выѣхалъ изъ Вилюйска въ сентябрѣ и поселенъ въ Астрахани, гдѣ умеръ 17 октября 1889 г. Л. Ш.). Современные русскіе соціалисты чтутъ его, какъ мученика и отца своихъ идей. Остальные радикальные вожди отдѣлались болѣе легкими наказаніями. (Біографическій очеркъ Чернышевскаго приложенъ, какъ введеніе, къ одному тому его сочиненій). — Ни Герценъ, ни Огаревъ, ни Бакунинъ не вѣрили утвержденіямъ, что общество «Земля и Воля» имѣло въ Петербургѣ нѣсколько

—впрочемъ не многочисленныхъ — революціонныхъ обществъ осталась нераскрытой, несмотря на всѣ разслѣдованія особой Комиссіи. Но еще болѣе дѣйствительными, чѣмъ эти репрессивныя мѣры правительства, были реформы, которыя Александръ II предпринялъ въ своемъ царствѣ. Вскорѣ за отмѣной крѣпостного права послѣдовала судебная реформа, введеніе земскаго самоуправленія, реорганизація военнаго и финансоваго дѣла и мн. др. На всѣхъ поприщахъ общественной жизни проявилось желаніе правительства вводить реформы; въ отвѣтъ на это оно встрѣтило желаніе общества приложить также и свои усилія къ общей работѣ. Это было время честной попытки либераловъ работать вмѣстѣ съ сочувствующимъ реформамъ правительствомъ. Въ то же время либеральная печать получила большую свободу, естественнымъ слѣдствіемъ чего было то, что запрещенная заграничная пресса потеряла свою привлекательность. Тиражъ «Колокола», простиравшійся раньше до 2000—2800 экз., спустился въ 1863 г. до 500 экз. и только изрѣдка доходилъ до 1000. Изданіе его можно было продолжать уже съ денежнымъ убыткомъ; перенесеніе редакціи въ 1865 г. въ Женеву не поправило дѣла, такъ что съ 1868 г. Герценъ прекратилъ изданіе «Колокола», объясняя это тѣмъ, что молодежь хочетъ итти своей собственной дорогой и болѣе въ немъ не нуждается; онъ признаетъ этотъ фактъ и прекращаетъ свою дѣятельность. (Съ 1-го января 1868 г. и до начала 1869-го «Колоколъ» выходилъ на французскомъ языкѣ, съ отдѣльными приложеніями на русскомъ. Л. Ш.). Въ январѣ 1870 г. Герценъ умеръ въ Парижѣ. Бакунинъ отдался весь анархическому соціализму и сдѣлался вполнѣ интернаціональнымъ революціонеромъ, такъ что, вообще говоря, онъ только случайно обращалъ вниманіе на русскія дѣла, въ которыхъ снова сталъ играть роль лишь въ 1869, а затѣмъ въ 1872—73 годахъ.

Герцену тяжело было перенести рѣзкое паденіе его огромнаго публицистическаго вліянія и перейти къ литературному затишью. Въ своихъ «Посмертныхъ сочинеіняхъ» *) онъ съ грустью задается вопросомъ, почему онъ такъ легко поддался своимъ пылкимъ друзьямъ, которые увлекли его на путь безнадежнаго радикализма и польскаго возстанія, безуспѣшность которыхъ онъ такъ ясно сознавалъ? Онъ признается, что размышленіе и наблюденіе господствовали у него въ теоріи, но не на

сотенъ, а въ провинціяхъ до 3000 членовъ. Послѣдній, впрочемъ, со свойственнымъ ему энтузіазмомъ, прибавлялъ: «но въ будущемъ ихъ можетъ быть вдвое больше». (Герценъ. «Посмертныя сочиненія»).

*) 1874 г. 2 изд. стр. 208.

практикѣ; съ одной стороны онъ былъ убѣжденъ, что надо было дѣйствовать извѣстнымъ образомъ, съ другой же стороны—готовъ былъ поступать совсѣмъ иначе. «Эта шаткость, эта неспѣтость» надѣлали въ его жизни массу вреда; всѣ свои ошибки онъ совершилъ «contre coeur». Ложный стыдъ, чувство любви и дружбы часто побѣждали въ немъ логику. И вотъ, въ періодъ энергичныхъ движеній, когда слова непосредственно переходятъ въ дѣло, Герценъ только слѣдовалъ за своими пылкими друзьями, и Бакунинъ, этотъ несломленный Сибирью «апостолъ разрушенія,» оказывался вожакомъ. Легко понять также, почему между богатымъ, аристократическимъ, высокообразованнымъ Герценомъ и молодымъ поколѣніемъ должно было возникнуть охлажденіе и даже чувство болѣе рѣзкое, чѣмъ охлажденіе, чувство антипатіи,—между тѣмъ какъ экзальтированный Бакунинъ, видѣвшій во всѣхъ концахъ свѣта прорывающіеся языки революціоннаго пламени, умѣлъ брататься съ первымъ встрѣчнымъ и всѣхъ дарить своимъ довѣріемъ*).

Шестидесятые годы лучше всего можно охарактеризовать, какъ время нигилизма**). Человѣкъ съ такимъ талантомъ, какъ Тургеневъ, изобразилъ исторію духовнаго развитія русскаго общества въ своихъ большихъ романахъ. Въ Рудинѣ онъ рисуетъ намъ человѣка, духовное развитіе и живость темперамента котораго увлекаютъ его всегда дальше, чѣмъ это позволяетъ ему его характеръ; говорятъ, онъ имѣлъ при этомъ въ виду молодого Бакунина. Въ «Отцахъ и дѣтяхъ» (1862) онъ изображаетъ Базарова, какъ нигилиста; но у Тургенева этотъ юноша умираетъ слишкомъ рано, когда находится еще въ періодѣ броженія; иначе онъ вѣроятно развился бы въ героевъ «Нови» (1877 г.), Нежданова или Соломина, которые выступаютъ тамъ, какъ соціалисты***). Что же такое нигилистъ? Это трудно опредѣлить; на практикѣ нигилизмъ такъ перемѣшивается съ другими явленіями, что его не легко изолировать; русскому уму, кромѣ того, вообще не свойственна

---

*) Далѣе Тунъ знакомитъ читателей съ характеристикой молодого поколѣнія 60 годовъ, сдѣланной Герценомъ въ статьѣ «Общій фондъ». Характеристика эта носитъ слишкомъ полемическій характеръ; мы пропускаемъ поэтому эти страницы, какъ не имѣющія никакого историческаго значенія.

Л. Ш.

**) См. превосходныя замѣчанія у Подолинскаго «Нигилизмъ въ Россіи» и въ «Подпольной Россіи» Степняка.

***) Намъ врядъ-ли надо предупреждать русскаго читателя относительно того, что тургеневская характеристика русской молодежи въ романахъ «Отцы и дѣти» и «Новь» ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана удачной. Л. Ш.

точность опредѣленій. Но изъ хода духовнаго развитія Россіи все таки можно понять нигилизмъ. Послѣ паденія николаевской системы прогрессъ могъ заключаться только въ строжайшей критикѣ, въ полномъ отрицаніи, даже уничтоженіи существующаго. Нужно было устранить все унаслѣдованное, сначала въ религіозной и философской, затѣмъ въ общественной и наконецъ въ политической и хозяйственной областяхъ. Къ этому присоединялось то обстоятельство, что при существовавшихъ тогда цензурныхъ условіяхъ была дозволена только критика, но не изложеніе положительныхъ системъ. Такое изложеніе было возможно лишь въ формѣ критики. Критиковали, напр., абсолютизмъ въ Австріи, чтобы доказать необходимость свободы въ Россіи. Такимъ образомъ, вся литература приняла отрицательное направленіе. Сначала точка зрѣнія, съ которой велась критика, носила смѣшанный характеръ; соціализмъ и либерализмъ боролись плечемъ къ плечу съ николаевскимъ режимомъ; въ отрицаніи они были согласны. «Современникъ» и его сотрудники были скорѣе представителями соціалистическаго направленія; другіе журналы въ основѣ своей были представителями либерализма и индивидуализма. Польское возстаніе уничтожило болѣе слабое теченіе соціализма и привело въ шестидесятыхъ годахъ къ господству индивидуалистическаго либерализма. Въ качествѣ типичнаго представителя нигилизма выступило тогда «Русское Слово», сотрудниками котораго были Писаревъ и Зайцевъ. Писаревъ — представитель отрицательнаго нигилизма; онъ знаетъ только темныя стороны человѣчества, все критикуетъ, но ничего не высказываетъ положительнаго. Какъ блестящій писатель, онъ имѣлъ громадное вліяніе въ 60-хъ годахъ на русскую молодежь, но какъ индивидуалистическій либералъ онъ, главнымъ образомъ, обращалъ вниманіе на народное образованіе и, пожалуй, также на кооперативныя товарищества, въ благопріятныхъ результатахъ которыхъ онъ, впрочемъ, не былъ даже вполнѣ увѣренъ.

Нигилизмъ проявлялъ себя преимущественно въ религіозно-философской области; здѣсь ему было легко дѣйствовать, потому что въ Россіи попъ — комическая фигура, и образованные классы не слишкомъ вѣрующи. Произведенія Фейербаха, Бюхнера, Молешотта, Дарвина, Бокля, Спенсера и Конта переводились и популяризировались въ журнальныхъ статьяхъ. Молодежь была вполнѣ покорена этимъ атеизмомъ и матеріализмомъ. Вторымъ пунктомъ для нападеній была семья и положеніе женщины. Нужно было уничтожить зависимость дѣтей, тяжелое положеніе женщины и малообразованность женскаго пола. Это удалось. Молодежь оставляла родительскій домъ; дѣвушки стремились въ высшія учебныя заведенія и университеты. Не разъ приходилось прибѣгать при этомъ

къ фиктивнымъ бракамъ,—(при которыхъ супруги немедленно послѣ вѣнчанія разлучались),—чтобы дать возможность дѣвушкамъ пріобрѣтать самостоятельное положеніе женщины и получать паспортъ; впрочемъ, большинство такихъ браковъ впослѣдствіи обращались въ дѣйствительные. Въ женскомъ вопросѣ господствовали, вообще говоря, либеральныя требованія Руссо и Кондорсе, имѣвшихъ въ виду лишь равноправность мужчинъ и женщинъ. Требованіе соціалиста Фурье относительно уничтоженія современной формы брака скорѣе намѣчается Чернышевскимъ, чѣмъ прямо ставится, и у позднѣйшихъ нигилистовъ отступаетъ снова на задній планъ. Не менѣе значительнымъ является нигилизмъ на политическомъ и соціальномъ поприщахъ; онъ борется противъ стѣсненія свободы деспотизмомъ и противъ уничтоженія равенства экономическимъ строемъ. Нигилисты въ политическомъ отношеніи были республиканцами; но соціалистическая программа, выставленная Чернышевскимъ, не была широко распространена. Соціальныя стремленія были тогда скорѣе либеральны и индивидуалистичны. Народное образованіе и артели были магическими словами; земства энергично поддерживали всѣ попытки въ этомъ направленіи.

Важнѣе всего было отношеніе нигилистовъ къ вопросамъ личной жизни. Здѣсь именно обнаруживался болѣе всего индивидуалистическій и эгоистическій характеръ ихъ идеаловъ; они должны были прежде всего сами быть образованными, достичь благосостоянія и вести нравственную жизнь; этимъ самымъ достигалось бы и всеобщее благополучіе. Ихъ идеаломъ былъ идеалъ честнаго буржуа. Если нигилистъ былъ чиновникомъ, онъ не долженъ былъ брать взятокъ; какъ врачъ — онъ долженъ былъ посвятить себя своимъ паціентамъ, какъ мужъ,—онъ долженъ былъ оставаться вѣрнымъ своей женѣ. У нигилиста на первомъ планѣ стоялъ онъ самъ и его семья, а затѣмъ уже народъ, причемъ Базаровъ (герой «Отцовъ и дѣтей») даже презираетъ этотъ народъ. Таковы были нигилисты, которые направили свои силы во вновь открывшуюся область самоуправленія и цѣлые годы работали въ ней. Одни изъ нихъ остались на этомъ пути и сдѣлались чиновниками или богатыми людьми со всѣми инстинктами буржуа; другіе же прогрессировали впослѣдствіи отъ нигилизма къ соціализму, потому что чувствовали себя неудовлетворенными либеральной работой.

Вотъ почему мнѣ кажется совершенно невѣрнымъ отождествленіе нигилизма съ соціализмомъ и терроризмомъ. Это было скорѣе тоже самое духовное движеніе, которое во Франціи предшествовало великой революціи и затѣмъ распространилось по всей Европѣ. Нигилизмъ — не что иное, какъ младшій от-

прыскъ матеріализма и русской демократіи съ сильнымъ пессимистическимъ оттѣнкомъ; онъ не обладаетъ никакой оригинальностью въ своихъ духовныхъ проявленіяхъ, потому что его ученія взяты изъ западноевропейской литературы. Нигилисты — философы эпохи просвѣщенія и демократы Россіи; они двойники матеріалистовъ и прогрессистовъ шестидесятыхъ годовъ въ Германіи. «Загадочныя натуры» Шпильгагена были одной изъ наиболѣе читаемыхъ книгъ нигилистовъ. Ихъ ошибки — ошибки либерализма и индивидуализма всего свѣта; только въ Россіи это движеніе началось позже и въ наиболѣе рѣзкой формѣ, потому что Николай наложилъ желѣзныя оковы на всю ея духовную жизнь. Нигилизмъ былъ революціоннымъ движеніемъ только въ духовной области; орудіе его дѣятельности было самое мирное въ свѣтѣ—литературная критика. Но не было также недостатка въ «непримиримыхъ», не желавшихъ никакихъ компромиссовъ съ правительствомъ. Они утверждали, что всѣ реформы были пустымъ звукомъ и не принесли никакой пользы народу, крестьянству же, въ экономическомъ смыслѣ, даже повредили.

И вотъ въ 1865 г., примыкая непосредственно къ тайнымъ обществамъ 1861-63 годовъ и даже состоя отчасти изъ прежнихъ ихъ членовъ, въ Москвѣ образовался небольшой кружокъ вокругъ Ишутина, Юрасова, Ермолова, Николаева, Страндена и другихъ студентовъ, которые чрезъ Худякова*) распространили свою дѣятельность и на Петербургъ. Это общество хотѣло вести революціонную пропаганду въ народѣ, для чего

---

*) И. Худяковъ, род. 1842, ум. 1876 въ Сибири, былъ болѣзненный, нервный фанатикъ. Въ 1860-63 гг. онъ посвятилъ себя собиранію народныхъ пѣсенъ, сказокъ, загадокъ, которые обнародовалъ въ пяти выпускахъ. Затѣмъ 21 г. отъ роду онъ увлекся политической дѣятельностью и сдѣлался впослѣдствіи членомъ Ишутинскаго кружка, которому онъ предложилъ войти въ сношенія съ Интернаціоналомъ, о которомъ онъ узналъ во время своего путешествія заграницу. Онъ занимался тайно съ рабочими и при этомъ велъ пропаганду. Съ этою цѣлью онъ написалъ нѣсколько популярныхъ книгъ, каковы, напримѣръ, «Самоучитель» — небольшая хорошо подобранная хрестоматія, «Великіе люди» — сборникъ четырехъ біографій: Вашингтона, Беранже и др., «Древняя Русь» — очень удачно составленный очеркъ вѣчевого строя и перехода его въ самодержавіе съ соотвѣтствующими цитатами изъ лѣтописей. Послѣ покушенія онъ былъ арестованъ, осужденъ и сосланъ на поселеніе въ Верхоянскъ, гдѣ вскорѣ потерялъ разсудокъ. Въ 1867 г. онъ написалъ свою автобіографію, изданную заграницей. См. также его некрологъ въ газетѣ «Впередъ» за 1876 г.

открывало школы, потребительныя общества и артели. Ермоловъ пожертвовалъ на это все свое состояніе и содержалъ въ Петровской Земледѣльческой Академіи, въ Москвѣ, нѣсколькихъ товарищей, которые должны были потомъ, въ качествѣ пропагандистовъ, итти въ народъ. Кружокъ намѣревался также купить Мальцевскую фабрику и преобразовать ее на артельныхъ началахъ. Наконецъ, въ центральной организаціи общества обсуждался вопросъ о покушеніи на царя—хотя бы и не смертельномъ—съ цѣлью вызвать возбужденіе въ народѣ. Покушеніе должно было быть произведено такимъ членомъ организаціи, который провелъ-бы болѣе или менѣе долгое время среди народа, чтобы придать всему дѣлу видъ народнаго движенія. Но судьба рѣшила иначе. Одинъ изъ товарищей, неизлѣчимо больной Каракозовъ, предложилъ себя въ исполнители задуманнаго плана, причемъ его не удержало даже то, что нѣкоторые вліятельные заговорщики протестовали противъ его намѣренія, считая его преждевременнымъ. Каракозовъ былъ мало одаренная, замкнутая, сдержанная, но страстная натура, у которой дѣло дополняетъ слово, — и вотъ 4 ап. 1866 г. онъ приступилъ къ выполненію своего намѣренія. Крестьянину (Комиссарову) суждено было спасти царя отъ руки дворянина. Результатъ покушенія былъ, такимъ образомъ, какъ разъ обратный тому, котораго ожидали. Судъ надъ кружкомъ былъ безпощадно строгъ; его велъ Муравьевъ*).

Это покушеніе сдѣлалось поворотнымъ пунктомъ во внутренней политикѣ Россіи; понемногу на нее надвигалась реакція. Царскій рескриптъ отъ 23 мая 1866 г. объявлялъ, что революціонныя дѣйствія серьезно угрожаютъ закону, собственности и религіи и что либеральныя намѣренія правительства невѣрно истолковываются и искажаются. Поэтому оно заявляетъ, что всегда признавало законъ и собственность и будетъ, какъ раньше, такъ и теперь, опираться на дворянство и консервативные элементы государственной жизни и будетъ усердно противодѣйствовать всѣмъ стремленіямъ, противорѣчащимъ ихъ тенденціямъ. Въ то же время «Современникъ» и «Русское Слово» — остатки радикализма — были закрыты, а различные государственные посты замѣщены противниками демократовъ. Прежде всего былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія графъ Дмитрій Толстой, тотъ самый Толстой, который потомъ своими строгими мѣрами противъ университетовъ не мало содѣйствовалъ тому, что учащаяся молодежь бросилась въ объятія революціи. Только въ Польшѣ продолжалась крестьянофильская политика, съ цѣлью завое-

---

*) «Подпольное Слово» № 1. «Народное дѣло» № 2 и № 3. Худяковъ, автобіографія.

вать правительству симпатіи народа. Покушеніемъ Каракозова, предпринятымъ ничтожной кучкой людей, правительство воспользовалось такимъ образомъ для того, чтобы направить всю свою политику противъ демократіи и либерализма. Вслѣдствіе этого среди либераловъ должно было начаться раздѣленіе и вскорѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ, останутся-ли нигилисты вмѣстѣ съ правительствомъ на почвѣ существующаго права и собственности, или же перейдутъ налѣво, къ соціализму. Пока же снова наступило на нѣсколько лѣтъ затишье въ общественномъ движеніи. Подавленная въ Россіи крайняя пресса эмигрировала заграницу. Въ 1866 году, Элпидинъ, бывшій студентъ, бѣжавшій изъ Казани, выпустилъ два номера «Подпольнаго Слова», изъ которыхъ въ одномъ излагалось покушеніе Каракозова, а въ другомъ Казанскіе безпорядки 1862-63 г. Въ 1868 г. (съ апрѣля по сентябрь) издавалась газета «Современность» — незначительный листокъ, хотя и революціоннаго, но не анархическаго содержанія; его скоро вытѣснило «Народное Дѣло» (съ сентября 1868 г. до сентября 1870 г.), также не имѣвшее однако большого распространенія. Послѣдній журналъ стоитъ уже вполнѣ на почвѣ анархическаго интернаціонализма и пропагандируетъ его въ Россіи. Онъ объявляетъ себя приверженцемъ атеизма и матеріализма и требуетъ уничтоженія наслѣдственной собственности, уравненія правъ женщинъ, общественнаго воспитанія дѣтей, надѣленія общинъ землею, а рабочихъ артелей — средствами производства. Будущая организація должна была состоять въ свободной федераціи работниковъ, въ сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ ассоціаціяхъ, при полномъ уничтоженіи государственной организаціи. Бакунинъ защищалъ эту, инспирированную имъ, программу.

Этотъ журналъ и его программа стоятъ въ тѣсной связи съ заговоромъ, который служитъ введеніемъ къ крупному соціалистическому движенію, характеризующему слѣдующее десятилѣтіе. Хотя по своей организаціи этотъ заговоръ рѣзко отличается отъ другихъ тайныхъ обществъ — а можетъ быть именно поэтому — онъ далъ толчекъ новымъ формамъ революціонныхъ организацій въ Россіи и потому ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть игнорируемъ. Я говорю о заговорѣ Нечаева. Сергѣй Нечаевъ былъ учителемъ церковно-приходской школы въ Петербургѣ; онъ внезапно выступилъ на сцену во время студенческихъ безпорядковъ въ февралѣ и мартѣ 1869 г. въ Петербургѣ и старался придать требованіямъ относительно студенческихъ кассъ и собраній политическую подкладку. По окончаніи волненій, какъ имъ, такъ и Бакунинымъ были изданы прокламаціи къ студентамъ, въ которыхъ послѣдніе приглашались поддерживать свои требованія. Затѣмъ Нечаевъ исчезъ, распространивъ о себѣ легенду, будто бы

онъ былъ заключенъ въ Петро-Павловскую крѣпость, а затѣмъ бѣжалъ оттуда. На самомъ же дѣлѣ онъ отправился заграницу, гдѣ разсказывалъ въ Женевѣ Бакунину и Огареву, будто въ Россіи уже все организовано и готово къ возстанію. При помощи ихъ обоихъ, ему удалось получить*) отъ больного Герцена, не желавшаго имѣть лично никакого дѣла съ Нечаевымъ, тотъ революціонный фондъ, — котораго столькіе домогались**), — теперь уже въ размѣрѣ 1000 ф. ст.; кромѣ того Бакунинъ назначилъ Нечаева организаторомъ русскаго отдѣла Интернаціонала и легитимировалъ его подъ № 2771.

Въ первыхъ числахъ сентября 1869 г. Нечаевъ вернулся въ Москву уже съ громкой революціонной репутаціей. Здѣсь еще раньше у него были кое-какіе единомышленники, но имъ не хватало хорошей организаціи. Ее то наконецъ и привезъ Нечаевъ изъ заграницы. Въ Петербургѣ и Москвѣ, при посредствѣ Успенскаго, служившаго въ московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина А. Черкесова, онъ познакомился съ учащеюся молодежью, главнымъ образомъ, изъ Петровской Земледѣльческой академіи. Каждый изъ его довѣренныхъ лицъ образовывалъ вокругъ себя кружокъ первой степени, который не былъ вполнѣ посвященъ въ конечныя цѣли; за всѣмъ этимъ стоялъ таинственный и фиктивный комитетъ, за уполномоченнаго котораго выдавалъ себя Нечаевъ, при чемъ онъ прибавлялъ, что вся Россія была покрыта сѣтью тайныхъ обществъ, мистифицируя такимъ образомъ своихъ товарищей. Наряду съ организаторскимъ талантомъ Нечаевъ обладалъ еще другимъ свойствомъ, усиливавшимъ его вліяніе на товарищей. Онъ родился въ селѣ Ивановѣ Шуйскаго уѣзда, былъ сыномъ бѣднаго ремесленника, научился грамотѣ только 16-ти лѣтъ и затѣмъ посѣщалъ московскій университетъ. Вся та ненависть противъ привилегированныхъ сословій, вся любовь къ крестьянству и вся демократичность, которыя у остальныхъ членовъ заговора (какъ это они чувствовали сами) были чѣмъ то внѣшнимъ, являлись у 23-хъ лѣтняго Нечаева основнымъ, могучимъ и живымъ чувствомъ. Къ тому же онъ обладалъ желѣзной энергіей и сумѣлъ подчинить себѣ не только людей одного съ нимъ возраста, но и такого уже пожилого писателя,

---

*) «Свободное Слово» № 16, гдѣ, наконецъ, этотъ фактъ установленъ.

**) Одинъ русскій, нѣкто Бахметьевъ, проѣзжая через Лондонъ на какія-то отдаленныя острова, оставилъ Герцену 800 фунтовъ стерлинговъ, на общественныя цѣли и на его полное усмотрѣніе; затѣмъ онъ исчезъ безслѣдно. Объ этихъ деньгахъ и идетъ здѣсь рѣчь. Л. Ш.

какъ Прыжовъ (42 л.). Попытка организаціи не была вполнѣ неудачной; скоро были завязаны связи между Москвой, С. Петербургомъ, Ярославлемъ и промышленнымъ селомъ Ивановымъ; была попытка основать тайную типографіи; собирались деньги, хотя въ Москвѣ было собрано только 300 руб., изготовлялись фальшивые паспорта, читались запрещенныя рукописи. Засѣданія кружка, какъ видно изъ прочитанныхъ во время процесса протоколовъ,— были однако до смѣшного безсодержательны, причемъ отдѣльные члены, по собственному признанію на судѣ, доставляли ложные отчеты, чтобы только заслужить себѣ похвалу, какъ дѣятельныхъ членовъ. Общество называлось «Общество народной расправы» или «Общество топора»; уставъ былъ очень строгъ и подробенъ; каждый членъ обозначался только цыфрой, чтобы затруднить разслѣдованіе. Цѣль общества излагалась въ прокламаціи «Народной расправы». Нѣтъ больше времени, говорилось тамъ, для мирнаго распространенія знаній въ народѣ или для литературной дѣятельности; нужно дѣйствовать, чтобы осуществить программу интернаціональнаго анархизма; нельзя останавливаться ни предъ чѣмъ; царь пусть пока остается въ живыхъ, чтобы предоставить его въ распоряженіе побѣдоносной революціи; эта послѣдняя должна была произойти 19 фев. 1870 года. Но еще болѣе крайнимъ, чѣмъ это воззваніе тайнаго общества, былъ такъ называемый «катехизисъ русскаго революціонера», гдѣ отъ революціонера требовались крайняя безчеловѣчность и кровожадность*). Въ заключеніе рекомендовалось присоединеніе къ разбойничеству, этому почтенному явленію русской народной жизни.

Но Нечаевскій заговоръ былъ недолговѣченъ. Одинъ изъ наиболѣе довѣренныхъ членовъ его, Ивановъ, оказался упрямымъ и самолюбивымъ человѣкомъ; у него вышло столкновеніе съ Нечаевымъ; тогда послѣдній убѣдилъ Успенскаго, Прыжова, Кузнецова и Николаева въ необходимости убить опаснаго врага хорошаго дѣла, и 21 ноября 1869 г. въ одномъ изъ гротовъ Петровской земледѣльческой академіи было совершено это страшное убійство. Вскорѣ послѣ этого общество было открыто. Около 300 чел. было привлечено къ дознанію, а 1 іюля 1871 г. 87 чел. изъ нихъ предстали передъ судомъ. Самъ Нечаевъ бѣжалъ въ Швейцарію, гдѣ, избѣгаемый всѣми эмигрантами, велъ печальную жизнь; затѣмъ онъ былъ выданъ, какъ уголовный преступникъ, и въ 1872 г. присужденъ къ двадцатилѣтней каторгѣ.

---

*) См. протоколы процесса и «Литератур. сборн.» Алисова стр. 79.

Нечаевскій заговоръ является крупной попыткой энергичнаго агитатора раздуть въ открытое пламя скрыто тлѣвшій огонь всеобщаго недовольства. Но это была только слабая вспышка, скоро потухнувшая. Все предпріятіе было не болѣе какъ эпизодомъ. Молодежь еще не была готова къ революціонному дѣлу. Но все-таки она уже организовывалась теперь въ кружки; большая часть извѣстныхъ впослѣдствіи революціонеровъ, будучи тогда еще студентами, основывали кассы взаимопомощи, распространяли цензурныя книжки по пониженнымъ цѣнамъ, устраивали библіотеки, управляли столовыми.

Эти молодые люди собирались также для обмѣна мыслей, для дальнѣйшаго самообразованія; среди нихъ велись оживленные споры, нерѣдко переходившіе въ область политики и экономики. И вотъ постепенно, въ періодъ 1869-72 г.г., соціализмъ замѣнилъ собою нигилизмъ. Подготовлялась эпоха «хожденія въ народъ», для пропаганды соціальной революціи.

Какія обстоятельства побудили русскую молодежь перейти отъ нигилизма къ соціализму? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо охарактеризовать, хотя бы въ бѣглыхъ чертахъ, поведеніе правительства, положеніе общества и крестьянъ, а также настроеніе студенчества, дабы намѣтить, на какихъ основахъ было построено движеніе 70-хъ годовъ. Его можно, конечно, понять, только исходя изъ его собственныхъ мотивовъ; безъ указанія на нихъ оно останется вполнѣ непонятнымъ. Поэтому мы должны постараться стать на точку зрѣнія этихъ молодыхъ людей.

Съ восшествіемъ на престолъ Александра II наступила весна въ русской государственной жизни. Страстная надежда на устраненіе самодержавной системы и дарованіе свободы волновала общество. Одушевленное этой наивной, но искренней вѣрой, оно принимало самое оживленное участіе въ обсужденіи всѣхъ общественныхъ дѣлъ. Но не прошло еще и 10 лѣтъ послѣ отмѣны крѣпостного права—а мы уже встрѣчаемъ всеобщее разочарованіе и равнодушіе къ реформамъ. Это только отчасти можно объяснить непостоянствомъ русскаго народнаго характера, который также легко разочаровывается, какъ увлекается крайностями. Коренной причиной является здѣсь скорѣе поведеніе правительства. Во всѣхъ его реформахъ не хватало руководящаго принципа. Различныя комиссіи вырабатывали по частямъ цѣлый рядъ законовъ, остававшихся безъ всякой внутренней связи, не подчиненныхъ, какъ части одной общей системы, единой основной идеѣ. Фактически, самодержавіе и централизація оставались неприкосновенными; всѣ реформы, противорѣчившія въ отдѣльности этому основному принципу русской государственной жизни, должны были вскорѣ вступить съ нимъ въ борьбу и погибнуть при первомъ

же столкновенія, вслѣдствіе недостатка традицій, силъ и самостоятельности. Духъ и направляющая воля всего государственного строя были сильнѣе, чѣмъ законы, изданные для отдѣльныхъ отраслей общественной жизни, и быстро побѣдили ихъ. Это можно ясно прослѣдить на судьбѣ земской и судебной реформъ.*)

Судебная реформа 1864 г. была одной изъ наиболѣе удачныхъ законодательныхъ попытокъ того періода. Если отдѣльныя ея постановленія и не соотвѣтствали общему характеру реформы, то они по большей части имѣли лишь второстепенное значеніе и могли-бы быть устранены, не нарушая основъ общаго судебнаго положенія. Главный недостатокъ заключался здѣсь гораздо болѣе въ зависимости юстиціи отъ администраціи. Правда, независимость суда была торжественно провозглашена передъ всей страной: ни одинъ русскій не долженъ былъ быть осужденъ безъ законнаго суда; но эта независимость суда осталась только на бумагѣ и погибла при первомъ конфликтѣ съ произволомъ самодержавія. Немедленно же послѣ перваго покушенія 1866 г., когда было установлено, что Каракозовъ принадлежалъ къ тайному обществу, правительство рѣшило не предавать его суду по новымъ законамъ, а назначило особую комиссію съ предсѣдателемъ Муравьевымъ-Вѣшателемъ. Этимъ былъ созданъ прецедентъ для послѣдующихъ политическихъ процессовъ, и дѣятельность новыхъ судовъ была парализована установленіемъ военныхъ судовъ и особыхъ комиссій. Уничтоженный было административный судъ тогда-же получилъ почти прежнее распространеніе; безъ всякаго судебнаго слѣдствія люди отдавались подъ полицейскій надзоръ, бросались въ тюрьмы, ссылались въ отдаленныя губерніи и въ Сибирь, — даже въ томъ случаѣ, когда обычные суды ихъ оправдывали. Адвокаты за слишкомъ смѣлыя защитительныя рѣчи также ссылались административнымъ порядкомъ, какъ напр. князь Урусовъ послѣ Нечаевскаго процесса 1871 года. Послѣ того какъ такой порядокъ просуществовалъ нѣсколько лѣтъ безъ всякаго законнаго основанія, его узаконили, въ маѣ 1871 г., какъ постоянное учрежденіе. Въ извѣстныхъ случаяхъ прокуроръ долженъ былъ передавать веденіе слѣдствія жандармеріи, причемъ дальнѣйшій ходъ дѣла, въ случаѣ политическихъ преступленій, былъ представленъ на усмотрѣніе министра юстиціи, который долженъ былъ входить въ соглашеніе съ шефомъ жандармовъ по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли передать дѣло суду, или направить его админи-

*) Головачевъ «Десять лѣтъ реформъ», 1872. Петербургъ. Эта интересная книга выражаетъ взгляды либераловъ того времени.

стративнымъ порядкомъ. Этимъ самымъ административному произволу предоставлялся и по закону широкій просторъ, вызвавшій то чувство всеобщей правовой необезпеченности, которое должно было бросить въ объятія радикальной оппозиціи всѣхъ не вполнѣ «благомыслящихъ». Во времена Николая тотъ же произволъ терпѣли, какъ преходящее зло; въ настоящее же время на него уже смотрѣли, какъ на возмутительное нарушеніе права, дарованнаго торжественно самимъ царемъ. Въ виду такого поразительнаго нарушенія правопорядка уже мало обращали вниманія на другія неурядицы,—на то, напримѣръ, что судей скоро стали назначать, руководясь не степенью ихъ знаній и способностей, а ихъ политической благонадежностью, о которой судила полиція.

Также быстро исчезли и тѣ иллюзіи, которыя общество создало себѣ относительно земскихъ учрежденій (1864). *)

На нихъ были возложены заботы о народномъ продовольствіи, о школьномъ и дорожномъ дѣлѣ, врачебная помощь и мн. др. Хотя объемъ ихъ дѣятельности былъ и достаточно широкъ, но являлся вопросъ — откуда доставать средства для всего этого? Государство уже и безъ того обложило крестьянъ и землю слишкомъ тяжелыми податями и постоянно повышало ихъ; поэтому было естественно, что земства воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ и начали облагать промышленныя и торговыя предпріятія сообразно ихъ доходности. Но уже въ 1867 г. имъ было это запрещено и позволено облагать промышленныя предпріятія лишь какъ постройки, а торговые патенты — пошлиной не выше 25 процентовъ государственнаго налога. Въ 1868 и 1878 г.г. земствамъ было запрещено облагать церковныя имущества и удѣльныя владенія.

Послѣ изданія этихъ положеній стало замѣчаться охлажденіе къ земскимъ учрежденіямъ. Помѣщики поняли, что, вслѣдствіе недостатка средствъ, имъ придется ограничиться обязательными расходами, а крестьяне, которые въ началѣ выказали живой интересъ, въ результатѣ увидѣли только увеличеніе податей; представители городовъ, размѣръ обложенія которыхъ оставался неизмѣннымъ, относились вполнѣ пассивно къ земскому дѣлу. Къ тому же, среди гласныхъ земскаго собранія, помѣщики составляли значительное большинство, отчасти отъ того, что они имѣли большія избирательныя права, **) а отчасти оттого, что крестьяне, гласные которыхъ не

---

*) Головачевъ стр. 184. — «18 лѣтъ борьбы между чиновничествомъ и земствомъ», въ «Свободномъ Словѣ» № 53.

**) Законъ опредѣлялъ число гласныхъ особо для каждой

получали никакого вознагражденія, выбирали вліятельныхъ дворянъ. Дворяне же, такъ же какъ и городскіе гласные, нисколько не были заинтересованы лично въ главныхъ отрасляхъ земскаго управленія; ихъ продовольствіе было обезпечено, ихъ дѣти не ходили въ народныя школы. Они только платили земскіе сборы, расходовавшіеся безъ прямой выгоды для нихъ. Вслѣдствіе этого большинство гласныхъ интересовалось болѣе всего выборомъ мировыхъ судей, въ которые они проводили хорошо извѣстныхъ имъ лицъ, со стороны которыхъ имъ нечего было бояться оппозиціи себѣ. Къ наиболѣе идеальной задачѣ—школьному дѣлу — охладѣли очень скоро. Хотя земскія собранія не были ограничены въ своихъ ассигновкахъ на школьное дѣло, но что касалось до распоряженія ассигнованными деньгами, то ихъ право въ этомъ отношеніи ограничивалось посылкой двухъ членовъ въ училищный совѣтъ, гдѣ они находились въ меньшинствѣ. Интересъ къ народнымъ школамъ былъ еще болѣе ослабленъ назначеніемъ правительственныхъ инспекторовъ; въ декабрѣ 1873 г., послѣ обнаруженія соціалистической пропаганды, на дворянство была возложена обязанность стоять на стражѣ народной школы, чтобы она не сдѣлалась очагомъ развращенности; позднѣйшимъ указомъ школа поручалась особому попечительству дворянскихъ собраній.

Инструкція 1875 г. сводитъ права земства по отношенію къ школамъ къ тому, что они могутъ вносить деньги, которыя расходуетъ Мин. Нар. Пр., не будучи даже обязано давать денежнаго отчета.

Такимъ образомъ земства уже вскорѣ послѣ своего возникновенія были ограничены и въ своей дѣятельности, и въ средствахъ. У нихъ не было также и своего самостоятельнаго исполнительнаго органа. Когда они назначали налоги или утверждали расходы, то отъ доброй воли полиціи зависѣло, будутъ ли собраны эти налоги, и кассы земствъ страдали отъ хроническихъ недоимокъ. Всѣ рѣшенія земскаго собранія должны были немедленно сообщаться губернатору и могли быть опротестованы имъ, если противорѣчили существующимъ законамъ и общегосударственнымъ интересамъ (что, конечно, опредѣлялось благоусмотрѣніемъ губернатора). Въ то же время правительство строго наблюдало за тѣмъ, чтобы земства не позволяли себѣ какихъ либо вторженій въ область политики. Оппозиціонное настроеніе въ началѣ было такъ велико, что еже-

---

губерніи, причемъ число гласныхъ отъ дворянъ почти вездѣ превышало число крестьянскихъ и городскихъ представителей, взятыхъ вмѣстѣ. Л. Ш.

годно на земства сыпались запрещенія и закрытія. Назначеніе докладчиковъ было отдано вполнѣ въ руки предводителей дворянства, и имъ дано было право снимать съ обсужденія «неподходящіе» вопросы и лишать на извѣстное время права слова отдѣльныхъ членовъ (1867). Въ то же время губернатору было поручено цензуровать протоколы и акты земствъ до ихъ печатанія (1865); въ 1879 г., кромѣ всегда бывшаго у него права утверждать земскихъ служащихъ, онъ получилъ еще право удалять политически неблагонадежныхъ лицъ съ земской службы и накладывать свое veto на выборъ мировыхъ судей, которые по закону подлежали только утвержденію сената. Этимъ правомъ губернаторы широко воспользовались. Вмѣсто того чтобы завоевывать активныя силы либерализма для самоуправленія и удерживать ихъ при мирной дѣятельности, правительство дѣлало такимъ образомъ все возможное, чтобы подавить работу земствъ. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что всѣ честныя и порядочныя личности мало по малу отошли отъ земскихъ учрежденій, уступивъ мѣсто искателямъ хорошихъ окладовъ. Не было больше рѣчи о самоуправленіи и почетныхъ должностяхъ. Земства скоро сдѣлались просто особыми органами центральнаго управленія для завѣдыванія опредѣленными экономическими задачами, безъ всякой самостоятельности *). Какого либо контроля со стороны общихъ судовъ или свободной прессы не существовало. Все было въ рукахъ губернаторовъ и правительства. При такихъ обстоятельствахъ понятно, что уже въ началѣ 70-хъ годовъ дѣятельные и способные элементы оппозиціи начали искать другой формы дѣятельности и были предрасположены ко всякаго рода радикализму.

Наконецъ, вопросъ, какія послѣдствія имѣла отмѣна крѣпостного права, понятно, волновалъ все русское общество, и уже въ 1872 г., при министрѣ государственныхъ имуществъ Валуевѣ, было предпринято довольно неудачное изслѣдованіе по этому вопросу. Что касается до помѣщиковъ, то кажется всѣ свѣдѣнія сходятся въ томъ, что въ сѣверной и неплодородной средней Россіи они рѣшительно пострадали. Доходъ ихъ хозяйствъ обусловливался дешевыми рабочими руками крѣпостныхъ крестьянъ. Когда у нихъ была отнята возможность продолжать эксплуатировать ихъ, то они должны были прекратить веденіе собственнаго хозяйства, причемъ сдавали свои имѣнія или сельской общинѣ или по частямъ отдѣльнымъ крестьянамъ; только изрѣдка и то лишь на небольшой части своей земли они могли вести собственное хозяйство. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что сельское хозяйство въ по-

*) Головачевъ стр. 216.

мѣщичьихъ имѣніяхъ значительно регрессировало. Напр., въ Московской губ. въ годъ отмѣны крѣпостного права въ 633 имѣніяхъ обрабатывалось 61033 дес.; 16 лѣтъ спустя треть этихъ имѣній прекратила свое собственное хозяйство, и 4/5 пахотной земли не обрабатывалось въ нихъ вовсе. Что оставалось дѣлать дворянству при такихъ обстоятельствахъ, какъ не продавать свои имѣнія? Въ 1865-77 г.г. процентъ дворянскаго землевладѣнія въ Московской губ. упалъ съ 62°/₀ на 72°/₀; завладѣвало имѣніями купечество, чтобы сводить имѣвшійся въ нихъ лѣсъ и вести подобное же хищническое хозяйство. Иной результатъ возымѣла отмѣна крѣпостного права для помѣщиковъ въ области чернозема. Здѣсь почва такъ плодородна, а сѣверная часть этого района такъ густо населена, что всегда найдутся или рабочіе, или арендаторы. Кромѣ того, этой полосѣ постройка желѣзно-дорожной сѣти въ такой же мѣрѣ была полезна, въ какой повредила средней Россіи; тамъ цѣны на хлѣбъ поднялись, здѣсь, вслѣдствіе конкуренціи, упали. На побережьяхъ Чернаго моря и на юго-западѣ помѣщики владѣютъ плодородной землей, которая значительно поднялась въ цѣнѣ; но тамъ хозяйства страдаютъ отъ засухъ и отъ недостатка въ рабочихъ рукахъ, который, конечно, прекратится съ болѣе густымъ заселеніемъ степи и, какъ говорятъ, устранимъ даже и теперь при хорошемъ обращеніи съ рабочими. Наконецъ, раззорены отмѣной крѣпостного права тѣ помѣщики, которые были обременены долгами и съ трудомъ держались притѣсненіями своихъ крѣпостныхъ. Такихъ помѣщиковъ отмѣна крѣпостного права привела къ полному разоренію. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ выводу, что величайшая изъ реформъ Александра II создала цѣлый рядъ раззоренныхъ и деклассированныхъ дворянъ.

Въ еще большей степени это заключеніе вѣрно по отношенію къ крестьянамъ. Ихъ несчастье можно выразить въ двухъ словахъ: слишкомъ мало земли и слишкомъ большія подати!*) Уже въ 1872 г. упомянутая раньше правительственная коммиссія заявила, что въ Бессарабіи и прежнихъ польскихъ губерніяхъ выкупные платежи были довольно умѣренными даже тамъ, гдѣ желѣзныя дороги и другія обстоятельства подняли цѣну земли противъ оцѣнки 1861 г. «Но въ центрѣ, сѣверо-западѣ и въ другихъ губерніяхъ есть мѣстности, гдѣ доходъ съ земли значительно ниже выкупныхъ платежей. Эти мѣстности бѣдствуютъ, и сельское хозяйство въ нихъ падаетъ подъ вліяніемъ растущихъ недоимокъ; послѣдніе не оставляютъ для

---

*) См. превосходную книгу Янсона: «Опытъ статистическаго изслѣдованія землевладѣнія и податного обложенія крестьянъ», 2-ое изд. 1881 г.

населенія никакого выхода изъ нужды.» Къ этому сознанію пришло, наконецъ, и правительство; въ 1882 г. оно приступило къ уменьшенію выкупныхъ платежей и постепенной отмѣнѣ подушной подати, а также къ учрежденію земельныхъ банковъ, съ цѣлью облегчить крестьянамъ покупку земли; оно начало думать также о систематическомъ переселеніи. Въ то же время выкупъ крестьянской земли былъ сдѣланъ обязательнымъ. Бѣдственное положеніе крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ является, слѣдовательно, фактомъ, который нѣтъ надобности доказывать. Только для того, чтобы иллюстрировать степень этой нужды, я привожу нѣсколько цифръ изъ данныхъ по Московской губ., для которой В. Орловъ собралъ цѣнный статистическій матеріалъ. Прежде всего оказывается, что утвержденіе, будто Россія не имѣетъ сельскаго пролетаріата — пустая фраза. Въ названной губерніи имѣлось не менѣе 10 процентовъ безземельныхъ семей, т. е. прежнихъ дворовыхъ, отставныхъ солдатъ, калѣкъ, стариковъ и вдовъ съ малолѣтними дѣтьми. У нихъ нѣтъ земли, они не платятъ податей и являются обузой для общинъ. Къ этому надо прибавить 15 процентовъ семей, которыя хотя и имѣютъ земельный надѣлъ, но по разнымъ причинамъ не ведутъ сельскаго хозяйства; они являются какъ-бы соціальнымъ дефицитомъ селъ. Въ общей сложности 25 процентовъ семей оставили сельское хозяйство, а въ двухъ уѣздахъ ихъ число поднималось даже до 30-32 процентовъ. Но этимъ не исчерпывается количество семей, которыхъ нельзя было-бы признать настоящими сельскими хозяевами; были еще хозяева, не имѣвшіе своей лошади и принужденные отдавать свою землю въ наемъ; это также кандидаты на безземелье. Наконецъ, было не малое количество семей, которыя не имѣли даже своего дома; ихъ въ трехъ уѣздахъ насчитывалось 6, 8 и 12 процентовъ. При такихъ обстоятельствахъ, особенно если принять во вниманіе чрезмѣрное обремененіе крестьянъ податями, дѣлается понятнымъ, что недоимки въ Московской губ. доходили тогда до 41 процентовъ ежегодныхъ платежей. Собранныя данныя позволяли также замѣтить тенденцію къ рѣзкому раздѣленію между болѣе богатыми и болѣе бѣдными крестьянами и къ ухудшенію положенія послѣднихъ.

Соціально-экономическая дифференціація различныхъ классовъ, которая наблюдалась уже въ сельскомъ хозяйствѣ, еще сильнѣе, конечно, выступила въ чисто капиталистическихъ отрасляхъ производства. Въ царствованіе Александра II мы видѣли массовое возникновеніе желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ кампаній, всевозможныхъ банковъ, акціонерныхъ обществъ съ промышленными и торговыми цѣлями, которыя основывались частью на русскіе, частью на иностранные капиталы и которыя всячески субсидировались правительствомъ,

гарантировались имъ и охранялись пошлинами. Масса раззореннаго люда находила въ нихъ, какъ и въ области самоуправленія, чины и хлѣбъ. Сюда же стремились и крестьяне. Такъ какъ ихъ земельный надѣлъ, при современномъ способѣ веденія хозяйства, съ трудомъ обезпечивалъ имъ прожитокъ, то крестьяне принуждены были искать стороннихъ заработковъ, чтобы достать наличныя деньги для податей и закупки необходимыхъ предметовъ. Въ сельскохозяйственныхъ областяхъ они достигаютъ этого арендуя земли у помѣщиковъ и отправляясь въ качествѣ сельскихъ рабочихъ въ степи; въ промышленной, средней Россіи они либо остаются дома и занимаются кустарными промыслами, которые имѣютъ въ Россіи большое распространеніе (Андреевъ считаетъ, что всего ими было занято 321000 чел., которые производятъ на 106 мил. руб. товаровъ) *), либо уходятъ въ отхожіе промыслы, чтобы зарабатывать для дома деньги въ качествѣ извощиковъ или матросовъ, строительныхъ и фабричныхъ рабочихъ, землекоповъ, прислуги или всякаго рода ремесленниковъ. Въ 8 губерніяхъ средней Россіи ежегодно выдавалось 1130000 паспортовъ и билетовъ, такъ что около 11 процентовъ всего или 40 процентовъ взрослаго мужского населенія покидало на болѣе или менѣе продолжительное время родное село. Этотъ уходъ крестьянъ изъ деревень, конечно, ведетъ къ тому, что ихъ хозяйства регрессируютъ. Бѣдственное положеніе крестьянъ въ деревнѣ и въ промышленности сдѣлалось предметомъ цѣлой литературы романовъ и очерковъ, которые соперничали другъ съ другомъ въ пессимистическихъ описаніяхъ и мрачныхъ картинахъ, а въ 1869 г. это бѣдственное положеніе нашло и своего рода научное изображеніе въ книгѣ Флеровскаго «Положеніе рабочаго класса въ Россіи». Въ ней нѣтъ недостатка въ преувеличеніяхъ; но книга написана съ огнемъ, и нѣкоторые отдѣлы ея снабжены личными цѣнными наблюденіями **), такъ что она могла произвести сильное впечатлѣніе на молодежь.

---

*) Е. Н. Андреевъ, «Кустарная промышленность въ Россіи», докладъ 1882 г. въ «Трудахъ Комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности» (1879—1890 гг.).

**) Таково сужденіе Keusler'а: «Исторія и критика крестьянскаго общиннаго владѣнія въ Россіи», 1 т. стр. 279. Флеровскій (Берви) написалъ эту книгу въ Вологдѣ, гдѣ находился въ ссылкѣ; онъ нашелъ въ мѣстномъ статистическомъ комитетѣ обширный статистическій матерьялъ и кромѣ того воспользовался своими собственными наблюденіями, накопленными имъ во время скитаній по ссылкамъ въ Россіи и Сибири. (Извѣстенъ отзывъ Маркса объ этой книгѣ: «Это—трудъ серь-

Теперь, въ заключеніе, я обращаюсь къ той самой молодежи, которая сдѣлалась въ 70-хъ гг. носительницей революціоннаго движенія; но я исключаю изъ моего обзора гимназіи и семинаріи и остановлюсь только на высшихъ и техническихъ учебныхъ заведеніяхъ. Прежде всего надо замѣтить, что русское студенчество выходитъ изъ гораздо болѣе демократическихъ слоевъ общества, чѣмъ въ Германіи; это большею частью сыновья священниковъ, мѣщанъ, мелкихъ чиновниковъ съ плохимъ воспитаніемъ и весьма недостаточнымъ школьнымъ образованіемъ; особенно это замѣтно въ Петербургѣ, гдѣ сыновья болѣе богатыхъ семей поступаютъ въ привилегированный лицей и въ училище Правовѣдѣнія. Большая часть студентовъ бѣдны; они терпятъ недостатокъ въ самомъ необходимомъ и должны сами добывать себѣ средства существованія, если только не получаютъ ту или другую изъ многочисленныхъ стипендій; но и тогда ѣдятъ они плохо, живутъ грязно, имѣютъ мало денегъ для покупки книгъ. Поэтому кассы взаимопомощи, читальни, столовыя играютъ большую роль въ ихъ жизни; онѣ являются такъ сказать экономическими и соціальными вопросами въ студенческомъ мірѣ, и каждая попытка министровъ Путятина и Толстого затронуть эти жизненные интересы студентовъ приводила, какъ въ 1861 и 1869 гг., къ волненіямъ. Еще болѣе стѣснительными были другія ограниченія уже болѣе политическаго характера; студенты не имѣли права образовывать общества; пробовали также отнять у нихъ и право собраній; но каждая такая попытка вела къ студенческимъ сходкамъ для выраженія возмущенія; студенчество собиралось въ университетѣ, потому что у него не было другихъ помѣщеній для собраній; такимъ образомъ, вслѣдствіе неимѣнія разрѣшенной и заранѣе установленной организаціи, оппозиція студенчества всегда принимала характеръ волненій и вела къ вмѣшательству полиціи и войска, къ тяжелымъ наказаніямъ, ссылкамъ и къ закрытію университетовъ. Каждый разъ находились тогда радикальные агитаторы, которые пытались придать чисто студенческимъ волненіямъ политическую подкладку; каждый разъ также студенты выставляли требованія, далеко выходившія изъ предѣловъ первоначальной цѣли, напримѣръ, требовали себѣ право распредѣлять государственныя стипендіи, что они мотивировали произволомъ начальства. Такія требованія давали правительству

———

езнаго наблюдателя, безстрашнаго труженика, безстрастнаго критика, мощнаго художника и — прежде всего — человѣка, возмущеннаго противъ гнета во всѣхъ его видахъ.... Такіе труды, какъ Флеровскаго и вашего учителя Чернышевскаго, дѣлаютъ дѣйствительную честь Россіи...») Л. Ш.

поводъ принимать болѣе строгія мѣры, и когда, наконецъ, въ 1866 г. графъ Толстой сдѣлался министромъ народнаго просвѣщенія, то посредствомъ всевозможныхъ придирокъ и притѣсненій онъ сдѣлалъ очень многое, чтобы заставить студентовъ перейти въ радикальный лагерь. Позднѣйшіе соціалисты заявляли ему, что ему нечего бояться за свою жизнь, такъ какъ онъ лучшій пропагандистъ ихъ ученій.

Ходъ университетскихъ занятій также иной у русскихъ студентовъ, чѣмъ у нѣмецкихъ. Они еще обладаютъ той наивной вѣрой (характеризующей молодость русской науки), что приступить къ разрѣшенію всѣхъ проблемъ можно съ нѣсколькими общими идеями; къ серьезному же детальному изученію они выказываютъ мало склонности. Общія идеи были быстро заимствованы студенчествомъ у нигилизма, причемъ носители его, обладая отъ природы разрушительными талантами, начали критиковать все существующее и прежде всего профессоровъ, которыхъ, за немногими исключеніями, они объявили неспособными; затѣмъ слѣдовали научные авторитеты (какой же нигилистъ захотѣлъ бы вообще признавать авторитеты?) и, наконецъ, все, что попадалось подъ руку. Такое самомнѣніе еще не было бы такъ плохо само по себѣ и съ теченіемъ времени, вѣроятно, замѣнилось бы большею скромностью, если бы студенты не обладали еще одной особенностью. Они отъ всей души отдаются тѣмъ вопросамъ дня, которые волнуютъ въ данное время умы *). Въ 60-хъ годахъ всѣ увлекались естественными науками; всѣ журналы были наполнены этой любимой темой либерализма, причемъ студенты не ограничивались чтеніемъ Бюхнера, Фогта, Дарвина, но каждый юристъ для общаго образованія считалъ необходимымъ рѣзать лягушекъ, — занятіе, которое уже тогда послужило темой для многочисленныхъ сатиръ и мишенью для насмѣшекъ Тургенева въ «Отцахъ и дѣтяхъ». Сочиненія о соціализмѣ въ 60-хъ годахъ читались мало; послѣдній выступилъ только подъ вліяніемъ событій и литературныхъ теченій, которыя я хочу изложить въ слѣдующей главѣ. Только съ 70-хъ г. г. отчасти сознательно (подъ вліяніемъ Конта), отчасти безсознательно государственныя и соціальныя науки стали считаться за глав-

*) Авторъ не вполнѣ правильно понимаетъ эту склонность русской молодежи къ общимъ идеямъ и ихъ кажущееся нерасположеніе къ «серьезному и детальному изученію». Дѣло въ томъ, что общественныя условія, окружающія русскую молодежь, до такой степени тяжелы, что отнимаютъ у сколько-нибудь чуткаго человѣка всякую возможность мирнаго и спокойнаго занятія наукой. Отсюда та страстность, съ какою студенты отдаются «вопросамъ дня». Л. Ш.

ную составную часть знанія и, независимо отъ спеціальности, изучаться студентами съ тѣмъ же жаромъ, какъ въ предыдущее десятилѣтіе естественныя науки.

Въ концѣ 60-хъ годовъ молодежь была еще вполнѣ проникнута нигилизмомъ; ея соціальныя стремленія оптимистически были направлены на либеральныя цѣли, на устройство школъ и артелей. Но правительство дѣлало невозможной работу въ этомъ направленіи. Молодежь же во что бы то ни стало хотѣла быть полезной народу; она только не знала, какъ. Этимъ ея стремленіемъ къ дѣлу объясняется огромный успѣхъ «Историческихъ писемъ» Петра Лаврова. Въ 1868 году онъ указалъ на обязанность образованныхъ классовъ служить народу, потому что только благодаря его труду они могутъ учиться и образовываться, и, такимъ образомъ, обязаны ему своимъ положеніемъ. За эту мысль молодежь схватилась съ воодушевленіемъ. Да, она хочетъ служить народу! Но какъ?

Теперь мы должны обратиться къ событіямъ, которыя дали ей образцы для дѣятельности, и къ литературѣ, которая дала теорію для ея цѣлей.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

Нигилизмъ. Характеристика нигилизма, сдѣланная Туномъ, отличается нѣкоторою запутанностью, и кромѣ того оставляетъ совсѣмъ безъ отвѣта вопросъ о его происхожденіи. Прежде всего авторъ представляетъ себѣ передовую часть русскаго общества, какъ нѣчто однородное, охваченное въ 60-хъ годахъ во всемъ своемъ составѣ извѣстнымъ идейнымъ теченіемъ. Здѣсь первая и основная ошибка автора. Нигилизмъ всегда былъ достояніемъ молодого поколѣнія. Это была та форма, въ которую вылилось широкое умственное движеніе, охватившее собою лишь русскую учащуюся молодежь. Взрослое поколѣніе 60-хъ годовъ, такъ называемые «отцы» стояли въ сторонѣ отъ него и даже относились къ нему враждебно. Нельзя сказать также, чтобы именно нигилизму принадлежала вся заслуга той критической, отрицательной работы въ религіозной, философской и политической областяхъ, какая приписана ему авторомъ. Что касается взрослаго поколѣнія 60-хъ годовъ, то эта работа уже была исполнена для него сороковыми годами, и въ этомъ отношеніи нигилизмъ не могъ дать ему ничего новаго.

Если мы оставимъ въ сторонѣ извѣстнаго рода утрировку въ проявленіяхъ нигилизма, то однимъ изъ главныхъ его признаковъ надо будетъ признать большую цѣльность, въ противоположность рефлектирующимъ натурамъ прежняго времени и крайній демократизмъ, въ противоположность нѣкоторому умственному аристократизму людей 40-хъ гг. Представителями новаго теченія прежде всего была, такъ сказать, опорочена блестящая въ другихъ отношеніяхъ личность Рудина, этого типичнаго представителя 40-хъ годовъ.

Съ другой стороны, Чернышевскій характеризуетъ, въ романѣ «Что дѣлать», представителей народившагося новаго типа, какъ людей «отважныхъ, не колеблющихся, не отступающихъ и умѣющихъ взяться за дѣло». Эта противоположность между благими, но неосуществлявшимися стремленіями «лишнихъ людей» 40-хъ годовъ и прямолинейной рѣшительностью людей 60-хъ годовъ крайне характерна. Добролюбовъ, выдвигая «обломовщину», какъ родовое свойство, охватывающее собою цѣлый общественный слой, приписываетъ ее одинаково Печорину съ Онѣгинымъ и Бельтову съ Рудинымъ: «Надъ

всѣми этими людьми» — говоритъ онъ — «тяготѣетъ одна и та же обломовщина, которая кладетъ на нихъ неизгладимую печать бездѣльничества, дармоѣдства и совершенной ненужности въ свѣтѣ».

— Что вы заступаетесь за этихъ лѣнтяевъ, дармоѣдовъ, грутней, бѣлоручекъ, тунеядцевъ a la Oneguine? — говорилъ Чернышевскій въ своемъ извѣстномъ спорѣ съ Герценомъ, отстаивавшимъ либераловъ 40-хъ годовъ и возмущавшимся рѣзкимъ и насмѣшливымъ отношеніемъ къ нимъ «Современника». Еще рѣзче выступалъ противъ всякихъ остатковъ «барства», аристократизма — причисляя къ этимъ остаткамъ между прочимъ, всякую «эстетику» — Д. И. Писаревъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей «новаго типа».

Происхожденіе этого новаго типа объясняется наплывомъ въ русскіе университеты демократическаго элемента, благодаря открывшемуся тогда болѣе свободному доступу въ нихъ, между тѣмъ какъ этотъ доступъ былъ строго ограниченъ при Николаѣ опредѣленнымъ и очень малымъ штатомъ студентовъ*). Тогда именно появился въ передовыхъ рядахъ нашей общественной жизни такъ называемый «разночинецъ», и этотъ разночинецъ придалъ присущія ему черты всему молодому поколѣнію. Не всѣ, конечно, представители этого поколѣнія были сами разночинцами, но всѣ они стремились усвоить положительныя, сильныя стороны новаго типа, прямо отвѣчавшія потребностямъ жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнившіяся условія дворянскаго быта уже сами по себѣ въ гораздо меньшей степени служили теперь лабораторіей обломовщины для новыхъ выходцевъ изъ дворянскаго сословія. Вотъ, слѣдовательно, главная причина появленія новаго типа. Вмѣстѣ съ ослабленіемъ «обломовщины», онъ отмѣчаетъ значительную демократизацію нашей интеллигенціи; недаромъ оба героя въ романѣ Чернышевскаго, Лопуховъ и Кирсановъ, демократы по происхожденію: первый — сынъ мѣщанина, а второй — сынъ писца уѣзднаго суда; тургеневскій Базаровъ также сынъ бѣднаго уѣзднаго лекаря.

Такимъ образомъ, въ своемъ наиболѣе общемъ признакѣ, нигилизмъ характеризуетъ собою скорѣе нравственный типъ, чѣмъ политическую программу. Лучшіе изъ «отцовъ» шестидесятыхъ годовъ сходились во многихъ общественныхъ требованіяхъ съ представителями нигилизма. Но каковы же бы-

---

*) Послѣ 1848 г., число своекоштныхъ студентовъ было ограничено 300-ми (за исключеніемъ медицинскаго факультета). Въ 1855 г. пріемъ студентовъ разрѣшенъ въ неограниченномъ количествѣ, а въ 1857 г. открытъ доступъ въ университеты лицамъ съ домашнимъ образованіемъ (вольные слушатели) и лицамъ низшихъ сословій.

ли общественные взгляды новыхъ людей 60-хъ годовъ и какова была ихъ политическая программа?

Мы видѣли, что Тунъ прямо называетъ нигилистовъ представителями индивидуалистическаго либерализма и по существу своему буржуа. Если принять во вниманіе, что появленіе нигилизма сопровождалось вторженіемъ въ ряды русской интеллигенціи новаго, чисто-демократическаго элемента, то эта индивидуалистическая и буржуазная окраска, какъ-бы внесенная имъ вмѣстѣ съ собою, является мало понятной. И дѣйствительно, мы наталкиваемся здѣсь еще на одно недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что, требуя отъ личности строгой послѣдовательности во всѣхъ ея поступкахъ, нигилизмъ стремился внести опредѣленную принципіальную основу также и въ сферу личной жизни; такимъ образомъ, вопросы личной жизни выступили тогда на первый планъ не вслѣдствіе индивидуалистическихъ тенденцій нигилизма, а въ силу его желанія подчинить личную жизнь извѣстному общему принципу. Принципомъ этимъ былъ признанъ тогда утилитаризмъ, т. е. теорія хорошо понятой личной выгоды, разумнаго личнаго разсчета. Люди 60-хъ годовъ объясняли каждый свой поступокъ, каждый свой шагъ не иначе, какъ утилитарными соображеніями: Лопуховъ, настаивая на томъ, чтобы Кирсановъ продолжалъ видѣться съ Вѣрой Павловной, доказываетъ ему, что онъ дѣйствуетъ въ своихъ собственныхъ выгодахъ; затѣмъ онъ бросаетъ любимую женщину и совсѣмъ уходитъ со сцены, — мотивируя и это также защитою своихъ собственныхъ интересовъ. Писаревъ, говоря о выборѣ человѣкомъ жизненнаго пути для себя, краснорѣчиво доказываетъ, что «требованіе высшей идеи здѣсь, какъ и вездѣ, совпадаютъ вполнѣ съ внушеніями эгоистической теоріи». И такъ было во всемъ. Слова: выгода, личныя удобства, собственный разсчетъ повторялись нигилистами на каждомъ шагу, и это именно придавало всему ихъ міросозерцанію ту внѣшнюю индивидуалистическую и буржуазную окраску, о которой говоритъ Тунъ. Въ дѣйствительности это было лишь строгое подчиненіе личной жизни извѣстному моральному принципу, проводимое съ неумолимой послѣдовательностью.

Но зачѣмъ понадобилось движенію, столь явно тяготѣвшему къ соціалистическимъ началамъ, эта индивидуалистическая окраска, эта буржуазно-утилитарная фразеологія? Это была не случайность. Какъ ни противорѣчиво это звучитъ на первый взглядъ, но именно этимъ молодые русскіе революціонеры того времени достигали наиболѣе рѣзкаго противоположенія себя старому міру, его воззрѣніямъ на жизнь, его нравственнымъ завѣтамъ. Для людей стараго міра существовала верховная санкція нравственности, стоящая внѣ человѣка. Мораль «отцовъ» была свыше даннымъ закономъ. Человѣка они раз-

сматривали, какъ слабое и грѣховное существо, которое не могло само изъ себя создать и выработать мораль. Нравственность являлась чѣмъ-то навязаннымъ человѣку сверху, силою божественнаго авторитета. Задача «дѣтей», умственно эмансипировавшихся отъ старыхъ вѣрованій, заключалась въ томъ, чтобы реабилитировать человѣка и его природу; они хотѣли доказать, что въ самомъ человѣкѣ, въ самой его природѣ лежатъ корни нравственнаго отношенія къ ближнему. Они прекрасно понимали, что никакая внѣшняя воля не могла бы навязать человѣку нравственности; что нравственность изъ подъ палки не есть настоящая нравственность; что страхъ воздаяній или соблазнъ наградъ «на томъ свѣтѣ» не есть истинно-моральный мотивъ. Такимъ образомъ, ихъ понятія о морали были по существу несомнѣнно выше и глубже, чѣмъ понятія окружавшей ихъ среды. Они видѣли, что пышная и чувствительная фразеологія «любви къ ближнему» скрывала подъ собою весьма скудное и сѣренькое содержаніе. И всѣми силами своей души они ополчились противъ этой фразеологіи, тѣмъ болѣе цѣня извѣстныя формулировки своихъ мыслей, чѣмъ сильнѣе шокировали они «филистеровъ». Желая выразить, что въ самой природѣ человѣка, въ его личности, въ его «я» лежитъ основа лучшихъ человѣческихъ чувствъ, они говорили, что имъ нѣтъ дѣла ни до чего, кромѣ своего «я»; они — эгоисты; если они дѣлаютъ что нибудь для «ближняго», такъ это потому, что ***имъ самимъ*** это нравится, ***имъ самимъ*** доставляетъ удовольствіе; итакъ, въ концѣ концовъ они не стремятся ни къ чему иному, какъ къ ***собственному*** счастью. Въ этомъ смыслѣ они и доказывали, что «жертвъ», собственно, нѣтъ: «жертва — сапоги въ смятку». Постороннихъ людей, людей изъ «среды умѣренности и аккуратности», конечно, ужасалъ такой «цинизмъ». А между тѣмъ ужасавшіе ихъ «эгоисты» нерѣдко хоть завтра готовы были пойти на смерть за убѣжденія, резонируя при этомъ, что вѣдь это дѣлается для ***собственнаго*** удовольствія. Они могли бы сказать съ своеобразными подчеркиваніями: «пусть это только мигъ, короткій, бѣглый мигъ — а дальше — гибель безъ возврата; ***но для него,—такъ былъ онъ чуденъ и великъ — и смерть недорогая плата***».

Словомъ, представители этого теченія не дѣлали ничего иного, какъ только расширяли понятіе «эгоизма» до такой степени, что это понятіе дѣлалось всеобъемлющимъ. Нѣтъ ни одного движенія души, которое не принадлежало бы къ человѣческому «я», нѣтъ ни одного стимула, который прямо или косвенно не вытекалъ бы изъ внутренней природы человѣка—слѣдовательно, нѣтъ ничего не-эгоистическаго. Однако же, ни одинъ изъ представителей этого взгляда не сталъ бы отрицать, что бываютъ разные сорта эгоизма. Эгоистъ—тотъ, кто заботится только о своемъ карманѣ, эгоистъ и тотъ, кто

вступается за жертву, ибо физически не можетъ выносить вида чужихъ страданій. Ясно, что приходится различать два эти вида эгоизма словами: «высшій» и «низшій», или, какъ предпочитали выражаться люди того времени, «разумный» и «неразумный». Нетрудно видѣть, что различеніе двухъ этихъ видовъ эгоизма вполнѣ соотвѣтствуетъ обычному различенію «альтруизма» и «эгоизма». Въ существѣ дѣла, стало быть, ничего не мѣнялось; мѣнялись названія, термины. Иначе говоря, называя основой нравственности «эгоизмъ», лучшіе представители нигилизма выставляли не новый ***критерій*** для различенія нравственнаго отъ безнравственнаго, а лишь указывали, что нравственное не менѣе свойственно человѣческому «я», «ego», какъ и безнравственное. Если кто нибудь этого не понималъ, то они справедливо усматривали въ этомъ свидѣтельство низкаго моральнаго уровня. Очевидно человѣкъ не сознаетъ, что истинно-человѣческое счастье немыслимо безъ братства и равенства между людьми; его «я» настолько переполнено всякой мерзостью, что положить это «я» въ основу нравственности для него значитъ проповѣдовать мерзость.

Итакъ, Тупа ввелъ въ заблужденіе эксцентрическій способъ выраженій, намѣренно избранный представителями «нигилизма», чтобы рѣзко и смѣло бросить вызовъ всему «старому міру». Не замѣчаетъ Тупъ и того, что этотъ способъ выраженій долженъ былъ особенно прійтись по душѣ выступившей на сцену новой общественной формаціи — разночинцу. Какъ психологическій типъ, разночинецъ сплошь и рядомъ не могъ не представлять прямой противоположности своему предшественнику — «кающемуся дворянину». Въ нравственномъ развитіи послѣдняго играла громадную роль «ущемленная совѣсть». Онъ, представитель культурнаго слоя, вспоеннаго и вскормленнаго на народный счетъ, получавшаго образованіе на народныя деньги, чувствовалъ и не могъ не чувствовать себя въ неоплатномъ долгу предъ народомъ. Какъ всякій совѣстливый должникъ, онъ имѣлъ психологію человѣка виноватаго. Неоплатность долга его мучила. Разночинецъ, напротивъ, сплошь и рядомъ самъ чувствовалъ себя выходцемъ изъ того же народа, пробившимъ себѣ дорогу къ знанію, къ лучшему положенію силою собственнаго ума и собственныхъ рукъ; житейскій путь его былъ усѣянъ не розами, а терніями. Онъ не себя чувствовалъ виноватымъ предъ другими, а другихъ виноватыми предъ собой; не столько уязвленная совѣсть, какъ уязвленная ***честь*** бушевала въ немъ. Его чувство собственнаго достоинства бунтовалось, достигало высшей напряженности. Не принижать своего «я» предъ кѣмъ то другимъ, подобно «кающемуся дворянину», а смѣло предъявить права своего «я» — вотъ что было для него болѣе всего естественнымъ.

Кающійся дворянинъ порывалъ со своими сословными и классовыми интересами, приносилъ ихъ въ жертву сословнымъ и классовымъ интересамъ низшихъ, трудовыхъ слоевъ населенія. Разночинецъ, интеллигентный пролетарій не переживалъ этого процесса. Его личный, кровный интересъ ставилъ его въ противорѣчіе со спѣсивымъ барствомъ и самодурнымъ «темнымъ царствомъ» толстой купеческой мошны. И терминологія «разумнаго эгоизма» гораздо болѣе подходила къ его настроенію.

Что касается собственно общественныхъ взглядовъ новыхъ людей 60-хъ годовъ, то о нихъ всего лучше судить по тѣмъ органамъ и по тѣмъ писателямъ, которые имѣли въ то время руководящее значеніе. Первое мѣсто принадлежало тогда несомнѣнно «Современнику» временъ Чернышевскаго и Добролюбова. Тунъ утверждаетъ, что «соціалистическая программа, выставленная Чернышевскимъ, не была широко распространена». Это вѣрно, если имѣть въ виду все русское культурное общество; но это невѣрно, если имѣть въ виду учащуюся молодежь. Никогда, ни прежде, ни послѣ ни одинъ журналъ въ Россіи и ни одинъ писатель не пользовались такимъ вліяніемъ на молодое поколѣніе, какимъ пользовались «Современникъ» и Чернышевскій, не только въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ, но и позже; недаромъ наше правительство ***«боялось»***, — какъ говоритъ Тунъ «духовной силы этого человѣка». И эта боязнь не была вызвана лишь одной мыслью о возможной опасности. Устраняя съ общественной сцены Чернышевскаго, правительство хотѣло уничтожить уже дѣйствовавшую общественную силу, руководившую цѣлымъ движеніемъ; оно уже имѣло дѣло тогда съ революціонными организаціями, немногія уцѣлѣвшія данныя о которыхъ были сообщены въ предыдущей главѣ. Все это революціонное движеніе вышло изъ среды новыхъ людей 60-хъ годовъ, находившихся подъ вліяніемъ соціалистической пропаганды «Современника» и Чернышевскаго. Правда, авторъ указываетъ на то, что реакція, вызванная польскимъ возстаніемъ, уничтожила соціалистическое движеніе въ Россіи, послѣ чего наступило господство «Русскаго Слова» и писаревщины; и нельзя, конечно, отрицать, что потеря для движенія такихъ людей, какъ Добролюбовъ и Чернышевскій, а также множества арестованныхъ и сосланныхъ студентовъ — лучшихъ студентовъ — нанесла тогда ему сильный ударъ; нельзя отрицать, что оно лишилось тогда многихъ изъ тѣхъ самоотверженныхъ «высшихъ натуръ», которыхъ Чернышевскій хотѣлъ показать русскому обществу въ лицѣ Рахметова, противопоставляя его «обыкновеннымъ порядочнымъ людямъ», которыхъ онъ встрѣчалъ «цѣлыми сотнями» и которые стояли «не выше общаго уровня людей своего типа». Послѣ подобныхъ разгромовъ общественное настрое-

ніе обыкновенно понижается и соотвѣтственно этому понижается характеръ даннаго общественнаго движенія. Но дѣйствительно-ли это пониженіе пошло тогда такъ далеко, что движеніе изъ революціоннаго и соціалистическаго превратилось въ либерально-буржуазное? И дѣйствительно-ли, наконецъ, самъ Писаревъ былъ не болѣе, какъ либералъ и индивидуалистъ?

Здѣсь мы снова встрѣчаемся у автора, во первыхъ, со смѣшеніемъ воедино различныхъ общественныхъ теченій 60-хъ годовъ, со стремленіемъ подвести ихъ всѣ подъ одно общее опредѣленіе, а во вторыхъ—съ невполнѣ вѣрной оцѣнкой самой писаревщины.

Прежде всего, революціонное и соціалистическое движеніе не было и не могло быть вырвано съ корнемъ реакціей 1863 года. Это движеніе продолжало развиваться, подъ дѣйствіемъ тѣхъ же самыхъ идейныхъ и жизненныхъ вліяній, какія вызвали его, и продолжало выдвигать своихъ новыхъ представителей. Извѣстно, напримѣръ, что въ Саратовѣ, на родинѣ Чернышевскаго, гдѣ долго еще оставались слѣды его личнаго вліянія, уже послѣ начавшейся реакціи, въ теченіе всего 63-го и 64-го годовъ, велась соціалистическая пропаганда среди мѣстныхъ рабочихъ небольшой революціонной группой, во главѣ которой стоялъ Христофоровъ; вскорѣ затѣмъ въ Москвѣ возникла организація каракозовцевъ. Теченіе революціонно-соціалистическое было до извѣстной степени замедлено тогда въ своемъ развитіи чисто внѣшнимъ образомъ, но оно вовсе не было подорвано въ своихъ источникахъ реформами Александра II; та «честная попытка» идти рука объ руку съ правительствомъ, о которой упоминаетъ Тунъ, не имѣла ровно никакого отношенія къ исторіи революціоннаго движенія; это было совершенно особое ***либеральное*** теченіе, съ самаго начала противопоставлявшее себя нигилизму.

Утвержденіе Туна, что это либеральное теченіе, обманувшись въ своихъ надеждахъ, обратилось къ соціализму, также совершенно невѣрно; напротивъ того, это либеральное теченіе, не смотря на всѣ свои пораженія, не смотря на всю унизительность и очевидную безнадежность своего положенія, упорно держалось примирительной политики и держится ея по настоящее время; сильный ростъ соціалистическаго движенія въ Россіи въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ объясняется не этимъ поворотомъ со стороны либеральнаго теченія, а дальнѣйшимъ развитіемъ основного и параллельнаго ему революціоннаго теченія.

Въ заключеніе мы должны сказать нѣсколько словъ о писаревщинѣ. Писаревщина, несомнѣнно, была шагомъ назадъ въ самой постановкѣ общественнаго вопроса. Чернышевскій и Добролюбовъ ставили этотъ вопросъ на экономическую почву, на почву классовой борьбы, выдвигали на первое мѣсто соці-

ализмъ. Писаревъ какъ будто перешелъ на почву личнаго умственнаго развитія и мирнаго пересозданія общества путемъ распространенія знаній. Онъ какъ-то слѣпо вѣрилъ въ науку. «Въ человѣчествѣ есть только одно зло — невѣжество» — писалъ онъ въ своей, такъ сказать, программной статьѣ «*Реалисты*» — «противъ этого зла есть только одно лекарство — наука». «Мысль и только мысль можетъ передѣлать и обновить весь строй человѣческой жизни». Отсюда вся его политическая и соціальная программа — популяризація научныхъ знаній. До какихъ странныхъ размѣровъ доходило его увлеченіе этой программой хорошо видно изъ слѣдующаго его отзыва о книгѣ Брэма (*Иллюстрированная жизнь животныхъ*): «Когда я пріобрѣлъ себѣ эту книгу — пишетъ онъ — то я въ теченіи нѣсколькихъ дней ни о чемъ не могъ думать, кромѣ Брэма. Просто ошалѣлъ отъ радости. И эту великую, именно великую книгу переводятъ на русскій языкъ... Но горе переводчикамъ, если они хоть сколько-нибудь обезцвѣтятъ разсказъ Брема. Это будетъ одно изъ тѣхъ литературныхъ преступленій, которыхъ не должно прощать общество... Такая книга есть историческое событіе въ полномъ и буквальномъ смыслѣ слова».

И это, на первый взглядъ совершенно странное и непонятное явленіе легко объясняется въ связи съ своеобразной психологіей эпохи. Если въ характеристикѣ, которую Тунъ даетъ «нигилизму», есть нѣчто вѣрное, такъ это сравненіе его съ духовнымъ движеніемъ эпохи просвѣщенія и энциклопедистовъ наканунѣ великой французской революціи. Нѣкоторые сходство между тѣмъ и другимъ безусловно имѣется. Но сходства этого надо искать не въ политической, а въ чисто — психологической области. Эпоху просвѣщенія въ свое время называли «вѣкомъ разума»; быть можетъ, гораздо правильнѣе для нея будетъ названіе «вѣкъ *чувства* разума». Проснувшаяся потребность общественной мысли стать на свои ноги, перестать ходить на помочахъ, провозгласить индивидуальное право ума, свергнуть самодержавіе традиціи и авторитета — вотъ что окрашивало собою эпоху. Въ духовной исторіи народа такіе періоды такъ же естественны, какъ и въ духовной исторіи индивида. Если свободное интеллектуальное развитіе его долго сдерживалось, тормозилось и, наконецъ, сразу прорвалось сквозь преграды и плотины, то его мысль особенно ревниво относится къ собственнымъ правамъ, особенно подозрительно ко всякой видимости авторитета, особенно слѣпо къ собственнымъ силамъ. Въ это время умъ его еще не умѣетъ критически взвѣсить собственные ресурсы, и съ юной самонадѣянностью, съ всей горячностью молодого задора берется разрубать всѣ Гордіевы узлы, всѣ запутаннѣйшіе міровые вопросы съ помощью обычнаго, простого «здраваго смысла». Какъ долго лежавшій въ постели больной находитъ живѣйшее

наслажденіе въ самомъ процессѣ ходьбы,—или, еще лучше, какъ только что научившееся ходить дитя наслаждается расширеніемъ круга своихъ впечатлѣній, расширеніемъ границъ своего существованія, — такъ и умственное пробужденіе открываетъ передъ человѣкомъ новые горизонты, открываетъ передъ нимъ широкое поле еще неизвѣданныхъ наслажденій — наслажденія знаніемъ, наслажденія развитіемъ. Самый процессъ этого узнаванія, этого развитія пріобрѣтаетъ для человѣка совершенно самодовлѣющее значеніе. Ощущеніе, «чувство разума» переполняетъ его существо, поднимаетъ его на еще небывалую для него высоту. Знаніе на этой ступени развитія — еще не *орудіе* соціальной борьбы, не служебный органъ жизни, а своего рода идолъ, своего рода божество. Эпоха, послѣдовавшая за крестьянской реформой, когда разомъ лопнуло столько путъ, связывавшихъ русское общество по рукамъ и по ногамъ, была ознаменована особенно усиленнымъ пробужденіемъ общественной мысли, получившей большую свободу. Сразу сильно возросло число учащейся молодежи, движеніе въ смыслѣ духовной эмансипаціи получило массовой, заразительный характеръ. «Писаревщина» и явилась превосходнымъ отраженіемъ этого незрѣлаго періода броженія, кипѣнія юной и смѣлой мысли, предъявившей свои права. При этомъ азбука міросозерцанія должна была, конечно, выдвинуться на первый планъ. Естествознаніе получило громадное значеніе и заняло сразу почетную роль, по своему эмансипирующему вліянію на умы, по своей способности расчищать поле отъ наиболѣе элементарныхъ переживаній старинныхъ взглядовъ. Происхожденіе, естественное развитіе, закономѣрность вселенной; вдвиганіе человѣка въ рядъ всѣхъ другихъ живыхъ существъ; отрицаніе всего сверхъестественнаго и чудеснаго — все это казалось и должно было казаться самымъ важнымъ для такой элементарной стадіи развитія, когда все вращалось въ области довольно азбучныхъ вопросовъ и истинъ. Но въ сравненіи съ ними все казалось неважнымъ. Недаромъ Писаревъ пренебрежительно отнесся къ первымъ сатирамъ Щедрина и рекомендовалъ ему лучше заняться писаніемъ популярныхъ естественно-научныхъ книжекъ, благо, есть легкій, живой литературный слогъ... Съ другой стороны, мысль переходила къ вопросу объ отношеніяхъ между людьми — опять таки, начиная съ наиболѣе элементарнаго: критика семейныхъ порядковъ, отношенія дѣтей къ отцамъ, отношенія мужчины къ женщинѣ и т. п. Все часто сводилось къ индивидуалистической морали, какъ будто и не подозрѣвавшей о зависимости всѣхъ этихъ вопросовъ отъ сложнѣйшихъ и запутаннѣйшихъ соціальныхъ и политическихъ отношеній. Отсюда-то и получалась видимость нарожденія общественной программы, не затрагивавшей основъ современнаго общежитія и пропо-

вѣдывавшей культивированіе изъ отдѣльныхъ личностей ихъ собственными средствами «мыслящихъ реалистовъ»...

Нечего говорить, что это была утопическая программа; но назвать Писарева индивидуалистомъ и буржуа все-таки было бы невѣрно. Исходной точкой для него служила идея гражданскаго долга и общественной солидарности. «Для реалиста идея общечеловѣческой солидарности» — говоритъ онъ —«есть просто одинъ изъ основныхъ законовъ человѣческой природы». «Конечная цѣль всего нашего мышленія и всей дѣятельности каждаго честнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы разрѣшить навсегда неизбѣжный вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ людяхъ; внѣ этого вопроса нѣтъ рѣшительно ничего, о чѣмъ-бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать.» И такихъ мѣстъ можно-бы было привести сколько угодно. Писаревъ не былъ защитникомъ буржуазнаго строя; онъ съ ироніей говорилъ о «великомъ и просвѣщенномъ вѣкѣ, въ которомъ средневѣковые костры и плахи смѣнились пенсильванскими общеполезными учрежденіями для производства умалишенныхъ, и въ которомъ феодальныя права уступили мѣсто мануфактурному пауперизму.» Полемизируя съ Антоновичемъ по поводу Базарова, онъ въ то же время называетъ добролюбовскій «Современникъ» — «лучшимъ журналомъ, когда-либо существовавшимъ въ Россіи».

Не надо, кромѣ того, забывать, что Писаревъ самъ умеръ еще юношей, и что именно въ послѣднихъ его произведеніяхъ все сильнѣе и сильнѣе звучатъ общественныя ноты. Популяризація въ полубеллитристической формѣ Маркса—таковъ былъ одинъ изъ послѣднихъ его литературныхъ плановъ. Къ сожалѣнію, ему такъ и не пришлось сказать своего послѣдняго слова. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно столь характерная для Писарева дерзкая смѣлость мысли никогда не допустила бы его успокоиться въ области соціальнаго вопроса на какихъ бы то ни было половинчатыхъ рѣшеніяхъ.

Такимъ образомъ, то, что обычно называется «писаревщиной», у самого Писарева было лишь извѣстнымъ періодомъ духовнаго развитія. Такое же значеніе играютъ писаревскія сочиненія и до сихъ поръ для всѣхъ тѣхъ, кто на нихъ воспитывается. Они даютъ первоначальную эмансипацію мысли и служатъ лишь преддверіемъ къ дальнѣйшему, общественно-политическому развитію.

Каракозовское дѣло. Задачи и общій характеръ организаціи, связанной съ именемъ Каракозова, остаются до сихъ поръ недостаточно выясненными. Главная причина этого заключается, повидимому, въ томъ, что самая организація не успѣла

еще вполнѣ опредѣлиться; она была застигнута выстрѣломъ 4-го апрѣля въ періодѣ своего развитія. По нѣкоторымъ имѣющимся въ нашихъ рукахъ свѣдѣніямъ можно думать, что задачи московскаго кружка не ограничивались одной пропагандой соціалистическихъ идей и что, въ связи съ этимъ, имѣлся въ виду болѣе или менѣе обширный политическій планъ. «Идея, руководившая этими людьми въ ихъ дѣятельности», — читаемъ мы въ запискахъ одного изъ главныхъ членовъ кружка — «была большой идеей, выразившейся только черезъ 12 лѣтъ послѣ нихъ... Они были піонерами, пытавшимися создать прочную революціонную организацію».

Наиболѣе выяснившеюся стороной этого движенія является все-таки его соціалистическій характеръ. На это указываютъ всѣ данныя, обнаруженныя слѣдственной комиссіей. Въ числѣ преступныхъ цѣлей тайнаго общества въ докладѣ слѣдственной комиссіи указаны слѣдующія: пропаганда между сельскимъ населеніемъ съ объявленіемъ, что земля составляетъ собственность всего народа; возбужденіе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ; устройство школъ, артелей, мастерскихъ для сближенія съ народомъ и внушенія ему ученія соціализма; распространеніе въ народѣ соціалистическаго ученія черезъ посредство воспитанниковъ семинарій и сельскихъ учителей. Въ приговорѣ верховнаго суда Ишутинъ названъ «основателемъ общества, дѣйствія котораго клонились къ экономическому перевороту съ нарушеніемъ правъ собственности и ниспроверженіемъ государственнаго устройства». Наконецъ въ томъ рескриптѣ на имя Гагарина (председателя верховнаго суда), о которомъ говорится у Туна и который былъ вызванъ паникой, охватившей какъ правительство, такъ и общество подъ вліяніемъ первыхъ слуховъ объ открытіи огромнаго заговора, особенно подчеркивалось значеніе права собственности, какъ основы всей государственной жизни, и провозглашалось твердое намѣреніе правительства «оказывать полное вниманіе охраненію» этого права.

Въ этой явно-соціалистической подкладкѣ всего движенія всего яснѣе обнаруживается его прямая связь съ революціоннымъ движеніемъ начала 60-хъ годовъ и съ соціалистической пропагандой Чернышевскаго. Недаромъ московскій кружокъ ставилъ одною изъ своихъ задачъ освобожденіе Чернышевскаго, для чего Странденъ уже готовился ѣхать въ Сибирь.

Что касается самого Каракозова, то его личность хорошо обрисована какъ въ автобіографіи Худякова, такъ и въ очень интересномъ разсказѣ о «Бѣломъ террорѣ», помѣченномъ 10 октября 1866 г. и принадлежащемъ перу неизвѣстнаго автора, привлекавшагося по каракозовскому дѣлу и сосланнаго затѣмъ административно.

По словамъ Худякова, «Каракозовъ былъ однимъ изъ тѣхъ

рѣдкихъ людей, у которыхъ дѣло замѣняетъ слова. На сходкахъ своего кружка онъ говорилъ меньше всѣхъ... Однажды въ Москвѣ онъ шелъ вечеромъ по улицѣ и наткнулся на будочника, съ ожесточеніемъ колотившаго извощика. Безъ всякихъ предварительныхъ увѣщаній, Каракозовъ немедленно ухватилъ будочника за шиворотъ, поднялъ его на воздухъ, потрясъ нѣсколько разъ и бросилъ въ сторону со словами: «всѣхъ бы васъ перевѣшать». Черезъ нѣсколько минутъ послѣ подобныхъ порывовъ волнующаяся страсть улеталась, и онъ опять согнувшись шелъ, сидѣлъ или лежалъ неподвижно, думая какую-то думу... Каракозовъ не былъ тщеславнымъ человѣкомъ; онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своей то неподвижной, то бурной натуры; онъ мало заботился о томъ, что о немъ скажутъ, и дѣлалъ только то, что по своимъ соображеніямъ считалъ полезнымъ. Еще менѣе — въ этомъ я увѣренъ — онъ думалъ о самомъ себѣ. Какъ извѣстно, товарищи просили его не совершать до времени покушенія, — отсрочка очень пріятная для человѣка, полнаго жизни... Онъ однако не послушался ихъ... Нѣкоторые словоохотливые господа обвиняютъ Каракозова въ томъ, что немедленно послѣ покушенія онъ струсилъ и хотѣлъ было бѣжать... Каракозовъ чувствовалъ страхъ чуть-ли не первый разъ въ жизни именно въ это мгновеніе, и вѣроятно этотъ внезапный ужасъ, обуявшій его, былъ ужасъ громадной неудачи. Черезъ минуту онъ уже владѣлъ полнымъ присутствіемъ духа... Народъ уже тормошилъ его, желая его раздавить... — Дурачье! вѣдь я для васъ же! — сказалъ онъ: а вы не понимаете.... — «Ты полякъ?» спросилъ его государь. «Нѣтъ, чистый русскій — отвѣчалъ Каракозовъ спокойно. «Почему же ты стрѣлялъ въ меня?» «Потому что ты обѣщалъ народу землю, да не далъ!»—

«Это былъ могучій характеръ», — говоритъ авторъ разсказа о «Бѣломъ Террорѣ» 1866-го года, — «великій фанатикъ своей идеи, вѣчно послѣдовательный, не дѣлавшій дѣла на половину, но шедшій до конца, до послѣднихъ результатовъ... Всѣ ухищренія и пытки Муравьева, всѣ его *усилія* сломились при столкновеніи съ могучей волею этого желѣзнаго человѣка... Каракозовъ о своихъ намѣреніяхъ никому не сообщаетъ; этой привычки онъ не имѣетъ, совѣтуется онъ только съ собой: это цѣльный и страшно сильный человѣкъ... Остановить Каракозова было только два средства: доносъ и ядъ».

Авторъ этого разсказа, напечатаннаго сначала въ «Колоколѣ», а затѣмъ изданнаго отдѣльной брошюрой въ Лейпцигѣ, высказываетъ слѣдующія соображенія по поводу самой идеи, руководившей Каракозовымъ.

«Народъ былъ убѣжденъ, что данная воля ***«подложная, дворянская»***, что помѣщики обманываютъ мужиковъ и хотятъ вновь закабалить ихъ, что скоро царь пришлетъ «настоящую,

вольную волю»... Это несчастное заблужденіе, эта несчастная вѣра въ царя... дорого стали народу. Крестьяне отказывались служить помѣщикамъ, подписывать уставныя грамоты, и во всѣхъ концахъ Россіи потекла кровь этихъ беззащитныхъ, безоружныхъ и несмысленныхъ людей. Дикіе сатрапы стрѣляли, рѣзали и засѣкали народъ, который послѣ всѣхъ уроковъ еще не опамятовался и въ массѣ остался при томъ же наивномъ убѣжденіи, что царя «обошли», что не онъ самъ, а помѣщики испортили волю... Всѣ крестьяне были несомнѣнно убѣждены, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ *помѣщикомъ* изъ мести и желанія послѣ смерти царя окончательно испортить волю и опять воротить крѣпостное право. Народное движеніе (вызванное выстрѣломъ 4-го апрѣля) было движеніемъ чисто демократическимъ, враждебнымъ дворянству и всему тому, что носитъ на себя печать барства и аристократизма. Смерть Александра II была-бы сигналомъ къ избіенію помѣщиковъ, и Каракозовъ очень хорошо понималъ это. Глубокое убѣжденіе, что при жизни настоящаго государя невозможно никакое народное движеніе противъ правительства и привело его къ сознанію необходимости смерти Александра II. Онъ, помимо организацій и всякихъ разсужденій о всемірныхъ революціонныхъ комитетахъ, рѣшилъ убить лицемѣрнаго царя, задерживающаго народную жизнь, давящаго народныя силы,—и тогда уже никакая земная сила, кромѣ смерти, не могла остановить его».

Тотъ же авторъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о тѣхъ полицейскихъ неистовствахъ, которыя послѣдовали за выстрѣломъ Каракозова: «Ночью съ восьмого на девятое апрѣля начинается періодъ поголовнаго хватанія... Съ этой ночи аресты начались въ громадныхъ размѣрахъ. Брали всѣхъ — каждаго, кто только былъ оговоренъ, чье имя было произнесено на допросѣ кѣмъ-нибудь изъ взятыхъ или находилось въ захваченной перепискѣ. Брали чиновниковъ и офицеровъ, учителей и учениковъ, студентовъ и юнкеровъ, брали женщинъ и дѣвочекъ, нянюшекъ и мамушекъ, мировыхъ посредниковъ и мужиковъ, князей и мѣщанъ. ....Въ Холму (Псков. губ.) былъ арестованъ судебной слѣдователь Маликовъ; въ Калужской губ., мировой посредникъ Бибиковъ, Голофѣевъ, кн. Вадбальскій и секретарь мирового съѣзда Оболенскій; жена его была арестована черезъ нѣсколько часовъ послѣ пріѣзда въ Москву, въ гостинницѣ Мамонтова... переведена въ Сущевскую часть и черезъ 2 съ половиной мѣсяца освобождена, такъ какъ никакой вины самое подозрительное и пристрастное слѣдствіе не могло открыть въ ней. То же самое было въ Тверской, Нижегородской и Смоленской губ... Первымъ вопросомъ арестованнымъ было: «не принадлежите-ли вы къ *сектѣ* нигилистовъ?»... «а почему вы носите синіе очки?»... или: «почему вы ходите безъ кринолина?» Многихъ заставля-

ти письменно подписывать отреченіе—отъ чего бы вы думали? первое, отъ лжеученій нигилизма; второе, отъ журнала *Современникъ* и третье, отъ лжеученій соціализма. Читатель, не побывавшій въ домѣ съумасшедшихъ, называвшемся и называющемся московской высочайше утвержденной слѣдственной комиссіей, вѣроятно подумаетъ, что мы шутимъ; но та рука которая пишетъ эти строки, подписала подобное отреченіе... Каждый номеръ *Московскихъ Вѣдомостей* заключалъ въ себѣ новый доносъ. Не было статейки въ этой полицейской газетѣ, которая не содержала-бы въ себѣ какого-нибудь намека, указанія... Ношеніе длинныхъ волосъ или синихъ очковъ было поступкомъ, съ точки зрѣнія Каткова, близко граничащимъ съ дѣломъ государственной измѣны... Муравьевъ въ Петербургѣ выдавалъ нигилисткамъ желтые билеты. Арановъ (московскій полицеймейстеръ) разослалъ по частямъ циркуляръ слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ среда, взростившая въ своей средѣ Каракозова, заклеймила себя въ глазахъ общества; между тѣмъ на бульварахъ и на улицахъ встрѣчаются личности, осмѣливающіяся носить костюмъ, присвоенный сказанной средѣ, то предписывается г. частному такой-то части обязать подпиской всѣхъ нигилистокъ, живущихъ въ его участкѣ, не стричь волосъ, носить шиньоны и кринолины и не носить синихъ очковъ и маленькихъ круглыхъ шляпъ...»

Нечаевское дѣло. Оно охарактеризовано очень правильно авторомъ. Это дѣйствительно былъ лишь случайный эпизодъ въ исторіи нашего революціоннаго движенія, вызванный необычайною энергіею одного человѣка. Само по себѣ, движеніе еще не было тогда достаточно подготовлено; революціонные элементы только еще накоплялись среди молодежи и форма дальнѣйшей революціонной борьбы еще не успѣла выясниться для нихъ, когда появился на сценѣ необычайно сильный революціонный темпераментъ, рѣшившійся создать заговоръ и сплотить людей чисто искуственными мѣрами. Такой именно характеръ нечаевскаго дѣла отразился на составѣ его главныхъ участниковъ. Вращаясь среди тогдашней петербургской и московской молодежи, Нечаевъ сталкивался съ очень серьезными людьми (Волховскій, Антонова, Ткачевъ, Енкуватовъ, Лау, Долгушинъ, Климовъ, Леонидъ Голиковъ и др.), принимавшими потомъ видное участіе въ революціонномъ движеніи, но не они, не эти люди стояли ближе всего къ Нечаеву и образовали кадры задуманной имъ организація.

При той исключительной роли, какую игралъ во всемъ этомъ дѣлѣ Нечаевъ, не безинтересно познакомиться ближе съ этою дѣйствительно изъ ряду вонъ выходящею личностью.

Извѣстно, что Бакунинъ былъ сначала крайне заинтересованъ имъ, и извѣстно также, что вскорѣ онъ совершенно отстранился отъ него. Вотъ какъ онъ отзывается о немъ въ своихъ письмахъ*).

«... Также вѣрно, что Нечаевъ — одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ. Когда надо служить тому, что онъ называетъ дѣломъ, онъ не колеблется и не останавливается ни передъ чѣмъ и бываетъ такъ же безпощаденъ къ себѣ, какъ и ко всѣмъ другимъ. Вотъ главное качество, которое привлекло меня и долго побуждало меня искать сообщества съ нимъ. Есть люди, утверждающіе, что это — просто авантюристъ; это неправда! Это фанатикъ, преданный, но въ то же время очень опасный, сообщничество съ которымъ можетъ быть только гибельно для всѣхъ... Онъ страшный честолюбецъ, самъ того не зная, потому что отождествилъ вполнѣ революціонное дѣло съ самимъ собой; — но это не эгоистъ въ банальномъ смыслѣ слова, потому что онъ страшно рискуетъ и ведетъ мученическую жизнь лишеній и неслыханнаго труда... Онъ очень опасенъ, такъ какъ ежедневно нарушаетъ довѣріе и совершаетъ измѣны, отъ которыхъ тѣмъ труднѣе уберечься, что едва можно подозрѣвать ихъ возможность. Вмѣстѣ съ тѣмъ Нечаевъ—сила, потому что это огромная энергія. Я съ большимъ сожалѣніемъ разошелся съ нимъ, такъ какъ служеніе нашему дѣлу требуетъ много энергіи и рѣдко встрѣчаешь ее такъ развитую, какъ у него...»

Когда Нечаевъ былъ выданъ швейцарскимъ правительствомъ Россіи, Бакунинъ писалъ Огареву: «Итакъ, старый другъ, неслыханное совершилось... Впрочемъ, какой-то внутренній голосъ мнѣ говоритъ, что Нечаевъ, который погибъ безвозвратно и безъ сомнѣнія знаетъ, что онъ погибъ, на этотъ разъ вызоветъ изъ глубины своего существа, запутавшагося, загрязнившагося, но далеко не пошлаго, всю свою первобытную энергію и доблесть. Онъ погибнетъ героемъ и на этотъ разъ ничему и никому не измѣнитъ. Такова моя вѣра. Увидимъ скоро, правъ ли я. Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ страшно жаль его. Никто не сдѣлалъ мнѣ, и сдѣлалъ намѣренно, столько зла, какъ онъ, а все-таки мнѣ его жаль. Онъ былъ человѣкъ рѣдкой энергіи, и когда мы съ тобой встрѣтили его, въ немъ горѣло яркое пламя любви къ нашему бѣдному, забитому народу, въ немъ была настоящая боль по нашей исторической народной бѣдѣ...»

«Внутренній голосъ» не обманулъ Бакунина, и предсказаніе его относительно Нечаева сбылось... Извѣстно, какъ Нечаевъ

---

*) *Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву*, изд. М. Драгомановымъ.

держалъ себя на судѣ: онъ громко протестовалъ противъ явнаго насилія, путемъ котораго Россія добилась выдачи его Швейцаріей, и — указывая на портретъ Александра II — кричалъ, что онъ «не признаетъ себя подданнымъ этого деспота!»

Осужденный на каторгу, Нечаевъ былъ заточенъ въ Алексѣевскій равелинъ, гдѣ первые годы подвергался всевозможнымъ истязаніямъ: сидѣлъ закованный въ цѣпи въ холодномъ и сыромъ казематѣ, при самомъ скверномъ питаніи. Но его энергія не была сломлена даже такимъ заключеніемъ и даже здѣсь, въ этомъ каменномъ гробу, обнаружилась необычайная сила его характера: онъ постепенно подчинилъ своему вліянію солдатъ и жандармовъ, карауливших его, и вотъ, когда, въ 1879 г., въ тотъ же Алексѣевскій равелинъ были привезены Ширяевъ и Мирскій (принадлежавшіе къ народовольческому движенію), Нечаевъ уже могъ войти съ ними въ сношеніе и черезъ посредство Ширяева завязалъ правильную переписку съ Исполнительнымъ Комитетомъ, продолжавшуюся до марта 1882 г. Ему были безгранично преданы около 20-ти крѣпостныхъ солдатъ, и онъ задумалъ, съ помощью ихъ, грандіозный планъ освобожденія не только одного себя (это было-бы ему легко), но и всѣхъ сидѣвшихъ тогда въ равелинѣ. Желябовъ уже лично осмотрѣлъ равелинъ и призналъ побѣгъ, при хорошей помощи извнѣ, не только осуществимымъ, но даже не особенно труднымъ. Къ несчастью этотъ планъ сталкивался съ приготовленіями къ 1-му марта, Нечаеву и Ширяеву было предоставлено самимъ рѣшить, какое изъ двухъ предпріятій поставить въ первую очередь, и они оба подали голосъ за 1 марта. Отказываясь отъ свободы, Нечаевъ умѣлъ сохранить въ своихъ письмахъ самый веселый тонъ и усиленно доказывалъ, что ихъ дѣло ничего не проиграетъ отъ отсрочки, хотя самъ Желябовъ былъ увѣренъ въ противномъ; да и Нечаевъ не могъ думать иначе.

Когда сношенія Исполнительнаго Комитета съ заключенными въ крѣпости были наконецъ обнаружены и прекратились окончательно, положеніе Нечаева настолько ухудшилось, что сдѣлалось уже невыносимымъ для него, и онъ вскорѣ послѣ того умеръ. О смерти его нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Говорятъ, что онъ сдѣлалъ какую-то сцену смотрителю, за что подвергся истязанію, и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ умеръ. Смерть его произошла, какъ говорятъ, отъ самоубійства. (Подробныя свѣдѣнія о сношеніяхъ Нечаева съ Исполнительнымъ Комитетомъ, а также обвинительный актъ по дѣлу о солдатахъ, черезъ посредство которыхъ велись эти сношенія, напечатаны въ первомъ номерѣ Вѣстника Народной Воли.)

ИЗДАНІЯ

Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ и Аграрно-Соціалистической Лиги.

(НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦІОННАЯ БИБЛІОТЕКА)

1.	Какъ министръ заботится о крестьянахъ.		экз.
	Изданіе 1-ое	1.000	„
	Изданіе 2-ое	3.000	„
2.	Какъ венгерскіе крестьяне боролись за свои права	1.000	„
3	Крестьянскіе союзы въ Сициліи. 1-ое изд.	2.000	„
	„ „ „ „ 2-ое изд.	10.000	„
4.	Бесѣды о землѣ. 1-ое изданіе	2.000	„
	„ „ 2-ое изданіе	10.000	„
5.	Разсказы изъ русской исторіи, ч. 1. изд. 1.	2.000	„
	„ „ „ „ изд. 2.	5.000	„
6.	Долой полицію	4.000	„
7.	Воля царская и воля народная	4.000	„
8.	Голодъ и самодержавіе	4.000	„
9.	Царское правительство и рабочій народъ.	10 000	„
10.	За вѣру, царя и отечество. Разсказъ Ивана Вольнаго	10.000	„
11.	За Волю и Землю	10.000	„
12.	Сказаніе о несправедливомъ царѣ. Ф. Волховскаго	10.000	„
13.	Разсказы изъ русской исторіи. ч. II.	10.000	„
	Очередной вопросъ революціоннаго дѣла въ Россіи. Изданіе 1-ое и 2-ое по	1.000	„

По всѣмъ дѣламъ, касающимся Аграрно-Соціалистической Лиги просятъ обращаться по слѣдующимъ адресамъ: V. Schitlovsky, 35, Zieglerstrasse Bern, Suisse; E. Roubanovitch, 50, rue Lhomond, Paris; F. Volkhovsky, 47, Tunley Road, Tooting, London W. S.; C. Terechkowitch, 74, rue de Jupille, Liége (Bressoux), Belgique.

Изданія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

1.	Реформа Ванновскаго	2.000	экз.
2.	19-ое февраля	2.000	„
3.	Вторая Воля	2.000	„
4.	Долой самодержавіе!	3.000	„
5.	Красное знамя (первомайскій сборникъ)	5.000	„
6.	О податяхъ и налогахъ	2.000	„
7.	Отчего студенты бунтуютъ	1.000	„
8.	Откуда пошло крестьянское раззоренье	500	„
9.	Царь-Голодъ	10.000	„
10.	Ко всѣмъ работникамъ революціоннаго соціализма въ Россіи	5.000	„
11.	Неужели такъ надо?	2.000	„
12.	Ко всему русскому крестьянству. 1 и 2 изд. по	10.000	„
13.	Террористическій элементъ въ нашей программѣ (отдѣльный оттискъ изъ „Рев. Россіи“)	5.000	„
14.	Памяти С. В. Балмашева	5.000	„
15.	Народный герой (Ѳ. К. Качуръ)	15.000	„
16.	Батумское кровопролитіе	10.000	„
17.	Эволюція русской соціалистической мысли (отдѣльный оттискъ изъ Вѣстника Русской Революціи)	2.000	„
18.	Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости	1.000	„
19.	Несправедливое устройство русскаго государства. (Изд. Крест. Союза)	10.000	„
20.	Демонстранты передъ судомъ	5.000	„
21.	Солдатскій подвигъ. Разск. К. Миронова	10.000	„
22.	Помогайте вольной печати	3.000	„
23.	Къ крестьянскому вопросу. А. Рудина.	2.000	„
24.	С. М. Кравчинскій и кружокъ Чайковцевъ. Л. Шишко	2.000	„
25.	Липочка-поповна, разск. І. Новокрещенскаго.	20.000	„
26.	Кризисъ и безработица	5.000	„
27.	На работѣ, разсказъ К. Миронова	5.000	„
28.	Новое крѣпостное право	5.000	„
29.	За хлѣбъ и землю!	5.000	„
30.	Ростовскія событія	2.000	„
31.	Хитрая механика.	10.000	„
32.	С. Л. Перовская.	5.000	„